

Параообусловленный детерминизм и детерминированная свобода

Алексей Торгашин

26 мая 2026 г.

Санкт-Петербург

Аннотация

Препринт посвящен систематической деструкции предрассудков о «научном детерминизме» и обоснованию совместимости детерминизма со свободой воли. Автор показывает, что детерминизм в его сильной, «отменяющей» формулировке внутренне противоречив и сводится к аллоцентрической теории, деактивирующей действие любого фактора как «несамостоятельного», который обусловлен анонимными причинами в «бесконечно отдаленном прошлом». От такого детерминизма первым страдает он сам, во вторую очередь - нейтральная референция объекта (способность быть «таким, а не другим»), и только в третью очередь - свобода. На основе анализа концепций Дж. Кима, Р. Сапольски, Г. Стросона и других предлагается модель «параобусловленного детерминизма», как в широком смысле наблюдаемое положение вещей, которое не способно вместить в свою сигнатуру метафизические представления типа «Каждое событие имеет свою причину».

Показано, что необходимое и достаточное условие наступления события не способно быть его собственной («своей») причиной, изоморфизм «событие-причина» невозможен на структурном уровне. В работе вводится понятие гилеморфных свойств (целостностей, не сводимых к своим частям) и показывается, что свобода не требует «отдельного» элемента — подобно тому, как способность телевизора транслировать изображение не локализована в конкретном полупроводнике. Она не противоречит причинам точно так же, как существование вещи не противоречит существованию атомов, из которых она состоит. Поэтому представления о несовместимости свободы с детерминизмом - это не более чем комплекс будущих исторических предрассудков, содержание и культурную уместность которых потомки будут понимать с усилием.

Формально доказывается, что полное воплощение агента внешними факторами делает его полностью свободным, а эпифеноменальное сознание при совпадении с физиологией становится системой мониторинга, неотличимой от идеологически запрашиваемой свободы воли. Делается вывод, что наблюдаемая эмпирическая свобода — это и есть подлинная свобода воли «либертарианцев», но без парадокса «дырявой удачи».

Оглавление

Аннотация	i
Введение	1
1 Почему детерминизм не похож на «научный детерминизм»	10
1.1 Агент и его желания	10
1.2 Софизм бильярдных шаров	12
1.3 «Думать логически»	15
1.4 Наивная дискретность и элиминация агента	16
1.5 Сапольски	24
1.6 Эмерджентность и гилеморфность	36
2 Почему «своей» причины не существует	43
2.1 Джегвон Ким	43
2.2 Деструкция понятия причины	45
2.3 Детерминация свойствами и детерминация «участием»	47
2.3.1 Третий токен	47
2.3.2 Два пасхальных яйца	48
2.3.3 Эпифеномен	50
3 Детерминированная модель недетерминированной свободы	55
3.1 Достаточная ментальная причина	55
3.2 Критика Стросона	57
3.3 Почему фатализм не противоречит свободе	58
3.4 Функциональная одновременность	60
3.5 Модель	62
4 Недетерминированный детерминированный выбор	66
4.1 Теоремы Тарского и Гёделя	66
4.2 <i>Возможность</i> возможности	69

4.3	Реальный выбор	72
4.4	Аргумент манипуляции	77
Итого		78
	Литература	83

Введение

Проблема свободы выделяется среди других философских проблем. Прежде всего она неуловима: мне приходилось встречать людей, которые чистосердечно не понимают, почему они могут быть не свободны, когда они свободны. И это не глупость. Решение этой книги содержит элемент такого представления. Во-вторых, редко можно найти проблему, которая была бы настолько понятна «нефилософам»: она оказывается в центре внимания биологов, юристов, психологов, и если отнести к ней детерминизм, - физиков и математиков. В-третьих, это, наверное, самая острая из всех философских проблем, которая относится к интерпретации повседневного. Даже «бессмертие души» можно «отогнать» вместе с «memento mori», а ответственность за содеянное всегда у порога.

Сразу оговоримся, мы не будем называть центральный феномен книги «свободой воли», - такое обозначение несет неоправданные «геройские» коннотации и требует ненужного обращения к психологии волевых усилий. Воля и преодоление в контексте свободы - важны, но не составляют обязательного содержания. В дальнейшем мы будем называть то, что обычно обозначают «свободой воли», просто свободой, имея в виду её онтологический статус.

Существует несколько стратегий опровержения свободы.

1. Человек не свободен, потому что все его поступки определены причинами и прочими факторами, которые он не то, что не контролирует, а даже не знает об их существовании. (Харрис, Сапольски)
2. Отсутствует реальный механизм «причинного действия» со стороны человека (Джегвон Ким).
3. «Свобода воли» - это самоопределение, а оно невозможно по теореме Тарского о невыразимости истины (Г.Д.Левин).
4. Фатализм, то есть «То, что произойдёт, обязательно произойдёт», - истина, а это несовместимо со свободой (Ван Инваген).
5. Даже если все перечисленные аргументы не работают, человек все равно не свободен, потому что не он *автор самого себя* и не выбирал, каким

ему быть. При этом конституция личности человека - решающая для его поступков, иначе они окажутся определенными не его опытом, моралью, собственными и общественными представлениями о добре и зле, и их нельзя будет сделать основанием моральной ответственности. (Гален Стросон)

Эти причины несвободы целесообразно разделить на наивные и изощренные. К первым относятся обозначенные цифрами 1,2,3, ко вторым - оставшиеся два пункта. Мы рассмотрим их все, начиная с наивных.

В целом теории свободы классифицируют по принципу совместимости с детерминизмом. Считается, что детерминизм составляет для теоретиков свободы самую большую проблему и все они делятся на три основные группы:

1. компатибилистов, которые утверждают совместимость свободы и детерминизма (Франфурт, Фишер, Деннет);
2. инкомпатибилистов, утверждающих несовместимость свободы и детерминизма, и существование свободы воли (Чизхольм, Рид, Кларк, Кейн);
3. инкомпатибилистов, которые отрицают существование свободы воли и утверждают детерминизм (Г.Стросон, Ким, Харрис, Сапольски).

Есть ученые, которые не совсем вписываются в классификацию. Например, Питер Ван Инваген, один из основных теоретиков инкомпатибилизма, оставляет вопрос свободы открытым, усматривая в этом загадку мироздания [Van Inwagen, 2000, pp.1-2].

Детерминизм, несмотря на, казалось, бы элементарность этого представления, сам нуждается в устранении коллизий и неясности. Есть несколько способов определения детерминизма с одной общей закономерностью, чем ученый дальше от физико-математических наук, тем его «детерминизм» более ригористичен и «неумолим» в своей «неизбежности». Примером «щадящего» детерминизма могут служить два крупнейших теоретика по указанной теме - Бунге и Эрмана.

Марио Бунге отличается чрезвычайно комплексный подход к определению *причинности*. Выбор этого термина неслучаен, потому что каузальность в его работе - далеко не единственный способ детерминации. И даже «внутри» этой категории он различает причинение и собственно причинность. Вторую отличает от первого характер непосредственного достаточного материального фактора, например воздействие огня на руку в такой-то момент времени. Если же говорят о термическом ожоге как результате воздействия пламени на кожу, речь идет только о причинении [Бунге, 1962, СС.15-16].

Ниже еще до изложения собственного видения, Бунге очерчивает расхожее представление о детерминизме: «[...] *причинный детерминизм* или *каузализм*, или просто *причинность* - доктрина, утверждающая универсальную значимость причинного принципа. Вот несколько формулировок сущности этой теории: «Всё имеет причину», «Ничто на земле не происходит без причины», «Ничто не может существовать или перестать существовать без причины», «Все, что происходит, необходимо порождается действием какой-нибудь причины», «Всё, что имеет начало, должно иметь причину» [Бунге, 1962, С.16].

Сам принцип причинности, в отличие от «принципа детерминизма», дает форму причинной связи, а именно «одинаковая причина производит одинаковое действие» [Бунге, 1962, там же].

Далее Бунге различает употребления слова *детерминация*, как свойство вещи (а), связь между тем из чего сделалась вещь и нею самою (b) и процесс, в результате которого вещь возникла (с). В обычном значении детерминация является характерной чертой. Детерминированное - «детерминировано так», как его описывают. Однако в науке чаще под детерминацией понимают «постоянную и однозначную связь между вещами и событиями, а также между идеальными объектами.» [Бунге, 1962, С.20] Например, это отношение настройки, включая закладку сырья и пуск, и результата работы алгоритмизированных механизмов. Такая связь может быть необходимой или достаточной, или то и другое вместе.

Постоянные однозначные связи не всегда бывают причинными. Бунге приводит пример простейшей модели теплового расширения бруска в виде идеальной формулы, которая описывает расширение конкретного бруска в данную минуту при эмпирическом изменении температуры не более чем приближенно [Бунге, 1962, С.21]. В дальнейшем мы будем рассматривать теорию причинности Джегвона Кима, который определяет нейрофизиологическую каузальность как некоторую абсолютно точную дескрипцию, пусть и анонимную. Одно сопоставление страниц Бунге с его ключевыми работами уже дает понимание их специфической особенности не в пользу Кима.

В дальнейшем Бунге подводит читателя к формулировке причинности в виде критерия (тогда и только тогда) *комплекса факторов*, который *приводит* к результату своего действия. Однако даже в самом конце главы I он оговаривается, что и это последнее понимание причинности не охватывает всех возможных ситуаций каузального определения. и лучше использовать не формулировку, а «доктрину». [Бунге, 1962, СС.69-70]

Бунге критикует понимание динамических моделей с дифференциальными уравнениями как буквального описания происходящего. Описываемое с помощью них изменение величины можно назвать причиной только при наличии

других *необходимых* условий:

«Подводя итоги, можно сказать: дифференциальные уравнения не являются ни отображением вообще ни становления вообще, ни причинности, в частности; иногда им может быть приписан причинный смысл с помощью специально для этого придуманных семантических правил, но это может быть сделано с равным успехом и по отношению к другим типам математических объектов». [Бунге, 1962, С.106] Разрозненные причинные цепи и «одинокие причины» не способны быть причинами в более чем житейском словоупотреблении. Как ни странно, настоящая действующая причина всегда подразумевается уникальной и одинокой.

Кроме каузальности, Бунге рассматривает другие виды детерминации, составляющие «спектр»: количественная самодетерминация, то есть перетекание одного и того же в другое состояние, например, превращение жидкого бетона в камень; собственно причина (действие на «пассивный» объект); взаимодействие; механическая детерминация, например, изменение динамических характеристик тела под воздействием других тел; статистическая детерминация; телеологическая детерминация; диалектическая детерминация [Бунге, 1962, СС.31-33].

Эти типы детерминации не сводимы друг к другу и взаимосвязаны. Легко видеть, что они ориентированы на разные методологии и способы рассмотрения реальности, достаточно указать на «собственно» причинную и статистическую из них.

Совокупную картину описания реальности с учетом всех перечисленных видов детерминации Бунге называет общим детерминизмом с двумя принципами: генетическим, согласно которому «ничто не возникает из ничего», и принципом закономерности: «ничто не происходит необусловленным и *полностью* нерегулярным». [Бунге, 1962, С.40]

Бунге различает несколько точек зрения на детерминацию [Бунге, 1962, СС.41-45]:

1. Традиционный каузализм, который сводит все детерминации к причинности. Его примером может служить учение Канта о тотальной причинной определенности «мира феноменов».
2. Полукаузализм, который признает действие причинности лишь в некоторых областях, например, в макром мире. Это точка зрения, следующая из Копенгагенской интерпретации квантовых явлений.
3. Функционализм, который считает причинность разновидностью взаимодействия. Бунге называет это мнение романтическим.

4. Общий детерминизм, к которому Бунге относит и себя. Теории этого типа считают причинность одной из разновидностей детерминации.
5. Акаузализм или видит в причинах только внешние связи фиксируемые не более чем статистически (эмпиризм), или вообще отрицает причинность как таковую (индетерминизм).

В целом Бунге подводит итог следующим способом: «Те, кто принимает принцип, касающийся деятельности, присущей каждому конкретному (материальному или культурному) объекту, и тезис, что мир как целое не имеет причины, а является самосуществующим, поймут, что рассмотрение действующих причин как единственных детерминантов ведет к *неполной*, то есть частичной, *детерминированности*. Действительно, если мы знаем, что конкретный объект содействует своему собственному специфическому способу бытия и прекращению бытия, - изменение, которое может даже противостоять и впоследствии даже изменять внешние факторы, действующие на него, - то нам должно быть ясно, что действующие причины не детерминируют полностью действий, то есть что причинность только способствует детерминации действий, но не вызывает их целиком. В таком случае отсутствие свободы есть не правило естественного закона, а вызвано серьезными препятствиями и искажениями самодетерминации внешними связями и возмущениями; свобода представляет собой не нарушение поведения в соответствии с законом, а его тип, а именно тип самодетерминации». [Бунге, 1962, СС.224-225] Забегая вперед, не могу не отметить, что это один в один моя собственная точка зрения.

Марио Бунге показывает бессмысленность чисто схоластического деление на «субстанцию и свойства», где субстанция единственно «сама», но обезличена, а свойства разнообразны, но проблемны с точки зрения действия. [Бунге, 1962, СС.229-235] Это деление будет нами подробно рассмотрено в параграфе «Эмерджентность и гилеморфизм» следующей главы, а также в главе «Почему «своей» причины не существует».

Абсолютный статус чисто внешнего типа детерминации приводит к невозможности возникновения нового: «Если одновременное действие нескольких причин всегда представляет собой внешнее сложение причин, суперпозицию, а ни в коем случае не синтез, имеющий свои собственные черты, и если гипотетические пассивные тела, на которые действуют активные тела, являющиеся носителями причинности, выступают как пассивные предметы, которым не присущи спонтанность и самодеятельность, - короче, если такие пассивные тела не вносят свой собственный вклад в совокупное действие причинности, то отсюда следует, что в некотором смысле *действия предсуществуют в своих причинах*.

Согласно этой крайней, но последовательной доктрине природы причинности, *в результате изменения не может возникнуть новых вещей*; эти

процессы могут привести к возникновению новых предметов, новых в числе или некоторых количественных отношениях, но они не приведут к возникновению нового *вида* вещей; или, с другой стороны, не может возникнуть никаких новых качеств». [Бунге, 1962, С.235]

Единственное, что здесь можно поправить, как будет показано ниже, количественные изменения не менее невозможны, чем качественные, поскольку упомянутая выше суперпозиция не включает новое положение вещей без неконтролируемого «процесса».

Другой крупнейший теоретик детерминизма Джон Эрман, отводит «строгому» детерминизму достаточно узкую подобласть разрешимого в виде системы дифференциальных уравнений, с помощью которой можно моделировать эмпирические данные. Любая другое «строгое определение» - не более чем метафора и гипотеза, не способная претендовать на нечто большее:

«Утверждение о том, что невозможно установить детерминизм для системы, не закрытой для внешних влияний, является важным соображением в контексте классической физики и концепции детерминизма. Это связано с тем, что классическая механика, хотя и опирается на детерминистические законы (например, законы Ньютона), сталкивается с ограничениями, когда речь идёт о системах, взаимодействующих с внешней средой или имеющих открытые границы». [Earman, 1986, p.33]

Определение детерминизма у Галена Стросона предельно бесхитростно: «"Детерминизм" будет пониматься как тезис о том, что у каждого события есть причина — что каждое событие или состояние мира вызывается чем-то другим, что и является его причиной. Это намеренно очень неспецифическое определение — всё, что необходимо для наших целей. Существует распространённое определение детерминизма, которое естественно назвать «более сильным», хотя при определённом понимании слова «причина» исходное определение оказывается просто эквивалентным более сильному. Согласно более сильному определению, если детерминизм истинен, то всё будущее (или прошлое) мира в принципе предсказуемо (или ретросказуемо): достаточно иметь полное описание мира в любой один момент времени и полное знание законов природы». [Strawson, 2010, p.4] Стросон верит в изоморфизм «причина-событие» с оговоркой об его нефальсифицируемости. Комментарии не требуются, достаточно сравнить понимание Бунге и понимание Стросона.

Настоящая книга начинается именно с этой темы. В первой главе разрушается миф о детерминизме, который «все жестко детерминирует задолго до возникновения существующих вещей и событий с ними до такой степени, что в них ничего не может возникнуть не вписывающегося в сигнатуру более раннего состояния». Когда-то это был главный кошмар свободы и его опровержение автоматически решало проблему. На самом деле это очень наивная импрови-

зация на тему «Будьте как змеи» и далеко не самый изощренный аргумент. Однако в главе I дается понимание, какими свойствами обладает реальная детерминация, и почему это не похоже на представления о «научном детерминизме».

Во второй главе показано, почему понятие причины не способно «отменить» свободу, примерно в таком же смысле, в каком аквариумная рыбка не может ловить мышей. Более того, «причины» в том смысле, как ее представляют, нет вообще. Вместо нее неизбежно возникает громоздкий и всегда обезличенный комплекс условий, абсолютно непригодный служить инструментом идеологии. В той же главе производится систематическая деструкция понятия «эпифеномена» с позиций теории тождества.

В третьей главе дается смысловая модель полностью детерминированного *недетерминированного* выбора в «робустном» смысле. Такого еще не было. Это возможно, потому что детерминизм, достаточно определяя происходящее, чтобы не возник хаос, вообще никак не «ингибирует» функциональные целостности, одна из которых свободный агент. Удивляться тому, что свобода есть и детерминизм тоже, это все равно как удивляться наблюдению, что есть стол в детерминированном мире и он существует наряду со своими молекулами. Детерминизм - не «жесткий» и не «мягкий», а такой как есть. Точнее, он мягкий, если речь идет о диване и хорошо взбитых подушках, и жесткий, если о бетонной балке и металлическом швеллере. В этой же главе показано, почему правота логического фатализма никак не мешает свободе.

В последней главе читатель найдет формальное доказательство того, что феноменологический выбор, то есть наш выбор в «дизайне психологии» (переживание происходящего), не может не быть реальным в том смысле, что за нас его не сделают никакие «слепые механизмы» нашей физиологии. А также конструктивное доказательство теоремы Тарского о невыразимости истины и теоремы Геделя о неполноте теорий первого порядка в гуманитарном изложении (со ссылкой на математическую статью). Эти два формализма служат для опровержения результатов эксперимента «Демон» в редакции Лапласа и тезиса Г.Д.Левина о невозможности свободы из-за парадоксов «самоопределения», и для доказательства упомянутой выше основной теоремы главы.

Используется методология, изложенная в книге «Язык и реальность» [Лысенко, Торгашин, 2025, СС.14-61] Она нацелена на выявление дефолтных («подножных», «неубиваемых») тезисов, без которых разрушается базовый смысл рассматриваемой предметной области, утрата которого ведет к абсурду. Это весьма близко к кантовской априорности с оговоркой, что дефолтные тезисы - не всегда априорны в кантовском смысле, а кантовские априорности - не всегда дефолтны. Проще говоря, нужно разрушить всё что разрушается и посмотреть, что следует из оставшегося, которое разрушить невозможно ни

при каких условиях. Запрещается «опережающее конструирование», которое было чуть ли не основным приемом постройки «философских систем» как у «классиков», так и у «постмодернистов» (у них тоже есть «системы»). В нашем случае продуктом опережающего конструирования оказывается большая часть «теорий свободы», прежде всего комплекс предрассудков, обозначаемых словосочетанием «научный детерминизм». После деструкции такого детерминизма и представлений о «достаточной», «своей» причине совместимость детерминизма и свободы проявляется сама в виде подножного тезиса. Обычно детерминизму приписывают «токсичные» свойства, а именно «тяга» чуть ли не целенаправленно и идеологически адресно «мешать свободе». В реальности свобода, скорее, опирается на детерминизм и пользуется им как инфраструктурой. Самое удивительное, что представления о детерминизме в виде монарха-самодура или монарха-садиста - метафизичны и фантазийны, и могли родиться только в «философских мистериях». Это становится очевидным при чуть более подробном рассмотрении предмета, как в книгах Бунге и Эрмана.

В части классов детерминации мы не поддерживаем подход абсолютного онтологического разграничения разных способов детерминации. Например, такое: «Простейший пример причинной связи принадлежит Д. Юму: нагревание камня Солнцем. Он ценен тем, что позволяет отличить причинную связь от взаимодействия. Причинение - это одностороннее воздействие А на В, взаимодействие же включает и обратное воздействие В на А. В примере Юма причинная связь выступает в чистом виде: трудно предположить, что теплота камня, полученная им от Солнца, вновь возвращается к Солнцу. На этом же примере можно увидеть и принципиальное отличие причинной связи от связи состояний. Связь состояний - это отношение между сменяющимися друг друга состояниями одного и того же объекта. Причинная связь - это отношение как минимум между двумя объектами.» [Левин, 2009, С.33] На самом деле это не категориальное, а чисто эмпирическое различие. Солнце не взаимодействует с камнем только в количественном и оценочном смысле, потому что его вкладом можно пренебречь. При ином строгом определении причины как «действия из прошлого», чтобы обеспечить асимметрию, исключаящую взаимодействие, причина *не может действовать сейчас*. Такое определение оказывается дефектным. В реальной детерминации есть и изменение состояния объекта, и влияние других объектов, и какие-то непонятные фиксируемые изменения, которые пусть нечасто, но дают картину корреляционной связи. Пользоваться всем этим можно только, отдавая себе отчет в том, что нет ни одного события, которое бы не описывалось бы ими всеми в одной и той же сессии.

При описании изменений, которые не помещаются в сигнатуру законов со-

хранения, используется термин «гилеморфность», восходящий к Аристотелю, который указал на атрибутивность и материи, и формы в чем бы то ни было [Аристотель, 2020, СС.89-94]. В современном именно в таком виде, как у нас, он появился только в XIX веке [Manning, 2013].

Мы называем гилеморфным свойством (гилеморфом) такое свойство, которое составляет некоторую целостность или восполняет остальные свойства до именно такой целостности. Сам термин понадобился из-за специфического неудобства понятия эмерджентности, которое требует уникальной природы своего референта, почти полностью исключаяющей пользование им.

Гилеморфы возникают поверх того, из чего состоят, они весьма функциональны и устойчивы. И это на самом деле напоминает параллельный мир ноуменов Канта, который не подчиняется причинному детерминизму. Только гилеморфы прямо в этом мире и всё-таки подчиняются, но не до самоотречения, и за пределами указанной субординации *остаются собой*. Типичный гилеморф: организм, состоящий из клеток и в этом смысле зависимый от них, но ограниченный ими строго по регламенту, за пределами которого свободен быть именно этим организмом.

Поскольку детерминизм подвергается деструкции в самом начале и совмещаться, собственно, не с чем, я не отношу себя ни к компатибилистам, ни к инкомпатибилистам. Свобода в моем понимании полностью естественна, она не требует никаких «чудес» в виде «спонтанности», и я не отношу себя так же и к «либертарианцам», хотя моя свобода, с ценностной точки зрения, почти не отличается от их свободы.

Именно поэтому я не разбираю тонкости многих теорий: нет смысла изучать стены здания, которое разрушается направленным взрывом. Или демонтировать морально устаревшие вентили со стояка на выброс. Однако, мое собственное решение во многом основано на видении Гарри Г.Франкфурта и Джона М.Фишера. Ранний вариант этой работы опубликован в статье «О невозможности онтологической несвободы» [Торгашин, 2012].

В части теории сознания я придерживаюсь позиции неизоморфного тождества. Сознание супервентно на нервной системе, включая мозг, оно не существует в виде «отдельного» образования или модуля. Воспринимаемая феноменология «сознательной жизни» примерно напоминает зрительный образ светящегося уличного фонаря. И фонарь, и исходящий от него свет, и возможная картина рассеивания от потока дождя, - всё существует физически. Тождество неизоморфно, потому что нет смысла разбирать какой луч в свечении монитора определен каким пикселем.

Цель работы - не просто критика, а сделать так, чтобы авторы аргументов не могли ими пользоваться, как раньше. В идеале, чтобы не осталось сомнения в существовании свободы.

Глава 1

Почему детерминизм не похож на «научный детерминизм»

1.1 Агент и его желания

Обычно, когда говорят о «множестве» или «бесконечности причин», «паспорт и физиономию» не уточняют, а когда уточняют причин не настолько «много». «Вы не в состоянии выбрать по своему желанию все сенсорные стимулы окружающей среды, уровень гормонов в крови нынче утром, не способны оценить, случилось или нет в вашем прошлом травмирующее событие, не можете выбрать себе ни внутриутробную среду, ни социально-экономический статус родителей, не в состоянии решить, какими будут ваши гены и кем были ваши предки - скотоводами или земледельцами.» [Сапольски, 2025, С.10]

При указании на «многочисленные причины» всё, кроме небольшого списка наподобие года рождения, личности матери и отца, присущей нам группы крови, неминуемо окажется на уровне предположения. А из перечисленного значительная часть контролируется нами: мы сдали документы в вуз, который окончили, а могли сдать в другой или вообще не поступать. Очень многие из нас не женились (не выходили замуж) по принуждению. Детерминисты называют это ощущение контроля иллюзией [Харрис, 2015, С.14], однако статус «вообще от нас не зависящих факторов» с пристрастием выделяют. Давайте разберемся со всеми этими причинами - контролируемыми, неконтролируемыми, еще какими-то раз и навсегда.

Чтобы «на самом деле несвободный» агент, назовем его Джон Доу, был несвободен требуются какие-то внешние причины, не всегда локализованные в его теле: ход истории задолго до его рождения, общая демографическая и экономическая ситуация в стране, события в семьях родителей, традиции вступления в брак и т.п. Некоторые факторы - как раз в теле Джона, отчего

в качестве причины они не перестают быть «внешними». Например, если у него с утра повышенное артериальное давление, Джон не станет сегодня пить кофе. Положим, он бросил курить, но из-за нервозности может начать, или не начать, вспомнив о своем здоровье. Как бы там ни было давайте обозначим «несвободного» Джона как X и то, что делает его несвободным как Y , $X \neq Y$, иначе Харрис не сможет заявить, что все действия Джона не определены им самим.

Нужно уяснить, наша кровеносная и нервная система - это не мы сами. Поднимите вашу правую руку, посмотрите на нее. Она это не вы, иначе вы бы не могли смотреть на нее со стороны. Да, вы чувствуете боль в руке как свою собственную, но только потому, что у вас есть мозг. С мозгом ситуация сложнее. Он определяет всю вашу психическую деятельность, - то, что делает вас человеком, но без сетчатки глаз, рецепторов кожи и всего остального он бы не был вами и «самим собой». С телом еще сложнее, чем с мозгом. И здесь тело оказывается «больше» вас. Например, то же самое кровообращение или система, обеспечивающая равновесие, - явно не вы. Назвать «вас» не так просто, но вы точно знаете, что это вы напились вчера вечером, а не ваша печень или гиппокамп. «Вы» - то, что существует материально как вещь, но проявляет только некоторые манифестации этой вещи, преимущественно такие, как танец, разговор, поцелуй, радость, хамство или сочувствие. Я называю этот феномен функциональным ракурсом вещи. Без него немислима ни одна из них. Например, для первобытного человека современная книга окажется не более чем удобный материал растопки очага. Это один из множества функциональных ракурсов книги. Сознательное существо *в качестве сознательного существа* воплощается функциональным ракурсом своего тела. Мы не рассматриваем его как сорок/сто двадцать килограммов мяса и костей (в зависимости от веса), которыми можно накормить тигра в зоопарке. А вот для крупной кошки важен именно этот ракурс. Причины, от которых мы зависим, - «внешние» вовсе не потому, что они «вне нашего организма».

Итак, у нас есть Джон и определяющие его внешние факторы (события и условия), обозначим их лучше Causa. Несовпадение Джона и Causa - это гипотеза детерминистов, нам ее не нужно доказывать и вообще как-то о ней заботиться. Наоборот, если ее нет, статья завершится досрочно как тривиальное доказательство. Джон не может совпадать с Causa, иначе он станет причинным комплексом самого себя и окажется свободен. Значит, в Джоне есть что-то такое, чего нет в Causa, в противном случае действия и поступки Джона станут причинным комплексом его поведения и он опять окажется свободным.

Это важно - расшифруем: в ситуации, когда причинные факторы совпадают с определяемым ими эпи-феноменом, он становится их проявлением, неми-

нуемо и гармонично, и даже активно. Например, если факторы воплощаются в материальные процессы игры в футбол, «эпифеномен» даже не поймет, что не он с удовольствием бежит по полю и бьет по мячу. И так среди действий и поступков Джона есть такие, которые не определены внешними причинами Causa, им отводят роль безответной жертвы. Описание с «жертвами внутри» может показаться схоластическим и абсурдным. Так и есть, только это придумано детерминистами. «Сердечная» версия о том, что человек *ходит-живет и всё* не содержит повода для коварной инвективы: «Он думает, что *он* «сам», но это только иллюзия».

Возможно возражение на тему, что Джон и «его поступки» - не одно и то же. «Джон» в таком виде становится не более чем системой мониторинга (эпифеномен) своих действий. Например, поступок заключается в том, что «Джон пьет пиво» (или как только что играет в футбол), а сам Джон - не более чем в восприятии происходящего, и ему *только кажется*, что он пьет пиво по своей воле. В этом случае, «не совпадающий со своими поступками Джон» полностью с ними солидарен, там где это соответствует его намерениям, и «техническое устройство» его «коллаборации» с собой не может организовать что-то противоречащее его свободе даже *ad hoc*.

Ситуация, когда Джон не хочет пиво, но пьет, не хочет играть в футбол, но играет, представима, но содержательно другая.

Определение агента как эпифеномена «физиологической стороны» своих поступков - полностью бессмысленно. Оно действует как пустой оператор.

1.2 Софизм бильярдных шаров

Подробно рассмотрим известный штамп, что «на самом деле всё определяется причинами».

Воспользуемся распространенным примером упругого соударения бильярдных шаров. В момент их столкновения, согласно третьему закону Ньютона, они толкают друг на друга с одинаковой, но противоположно направленной силой $F_1 = -F_2$. Несмотря на то что на каждый шар при соударении действует внешняя сила $|F_1| = |F_2|$, это не полностью определяет их дальнейшее поведение.

Пребывание первого шара определяется вторым шаром, местом, временем, но не им самим. *Это буквально так, потому что первый шар «сам от себя» не имеет права вносить ничего, а второй шар и материальный контекст в обоих случаях те же самые.* Отсюда катастрофические следствия, заключающиеся в том, что первый шар становится всей материальной совокупностью своего окружения, *кроме него самого*, поскольку он в рамках такого понимания причинности не способен себя определять. Тонкость в том, что это

одностороннее присваивание, назвать шар воплощением материальной совокупности - можно, назвать материальную совокупность шаром, - абсурд даже для сторонников «внешнего». Однако «вносить что-то от себя» шар права не имеет, иначе возникнет ситуация самоопределения. Как бы там ни было первый шар - это «всё вокруг него», *но не он сам*, «потому что всё происходящее определяется причинами».

«Несмотря на вопиющую бессмысленность картины, в парадигмальных условиях отрицания относительной автономии мы не имеем права отбросить эту аналитику, однако её принятие не только влечет абсурдность, но оказывается совершенно бесполезным, то есть не модифицирует ситуацию в пользу «детерминизма», не делает его более возможным: в этом случае второй шар ударяется с первым шаром, и вкупе с упомянутой «материальной совокупностью» воплощает первый шар и вместе с ним оказывается даже не относительно, а абсолютно автономным, поскольку это воплощение ни от чего уже, кроме себя, не зависит. Если вспомнить, что первый шар также воздействует на второй, о нем следует сказать то же самое. Во-первых, шары «меняются местами». Во-вторых, при разных способах рассмотрения, зависящих только от экспозиции, «свободным» оказывается то первый, то второй шар, но их объективное существование не может зависеть лишь от экспозиции. Выход из этих парадоксов один – относительная автономия тел при их взаимодействии друг на друга». [Торгашин, 2013, С.156]

Ниже мы будем рассматривать более чем респектабельную точку зрения о том, что «самоопределение невозможно» из-за самореференции [Левин, 2009, С.22], поэтому с аутентичностью опровергаемого всё в порядке. Софизм двух шаров записан, в том числе на «формальных» скрижалях, и мы ничего придумаем: критикуемая разновидность детерминизма - это соломенное чучело, которое сразу родилось соломенным чучелом и в другом виде не существовало.

«Важно отметить, что приведенное рассуждение не содержит принципиально нового понимания проблемы совместимости свободы и детерминизма. Общая идея соотношения внешнего и внутреннего была описана Гегелем в «Науке логики» [Гегель, 2017, С.204-205], хотя он интерпретировал относительную автономию тел как «переход в противоположное» и не до конца артикулировал идею автономии как таковую, что позволило догматическому детерминизму на протяжении веков игнорировать эту идею, а защитникам «свободы воли» искать прибежище в микромире. Ближайшая аргументация и выводы есть в трудах физиолога И.М.Сеченова [Гумницкий, 2000, с.34], по крайней мере, начало нашего рассуждения о шарах. Марио Бунге прослеживает родословную идеи относительной автономии с глубокой древности [Бунге, 1962], но из-за несистематического изложения, ошибок интерпрета-

ции, передающихся из поколения в поколение предрассудков, эта проблема не признавалась решенной, не организуя значительной трудности еще во времена Дюбуа-Реймона, который занес ее в один список с принципиально неразрешимыми загадками, хотя и с особым статусом.» [Торгашин, 2013, С.156-157]

Отрицание относительной автономии тел при воздействии друг на друга приводит к катастрофическим следствиям потому, что такое отрицание разрушает базовый смысл нетождественности, предельно общую структуру «одного и другого», поэтому ненуждаемость в определении другим следует признать неизбежным трансцендентальным свойством мира как такового, не менее необходимым, чем его пространственно-временная организация. Точно также, как мир непредставим и не выразим вне времени и пространства, он не может обойтись без разного, которое оказывается невозможным в условиях полного определения «одного другим». Очень похожую точку зрения высказал физик Б.Б.Кадомцев, допустивший некоторый аналог свободы уже в неживой природе [Сачков, 2006, С.42].

В конечном итоге, если бы вещи, события, процессы (динамические «ансамбли вещей») определялись исключительно «внешним», это означало бы курьезную «переприватизацию» сил между объектами, и в таком виде они в любом случае оказались бы относительно автономны, иначе ударение одного шара вторым полностью определяло бы его дальнейшее пребывание, иными словами, второй шар, ударивший что угодно в это же время и в этом же месте, обязательно превращал бы это нечто во первый шар, потому что его содержание не имеет права в каком-либо виде манифестировать себя, а окрестность события одна и та же.

Однако, несмотря на очевидность, относительной автономии тел при воздействии друг на друга, человек определяется причинами, возникшими до его рождения. У камня и бильярдного шара такой проблемы нет, хотя бы потому, что они возникают путем перетекания субстрата в другую форму, но не рождаются. Однако ситуация кажется иной лишь на первый взгляд. Если человек воплощается причинами, действовавшими до его рождения, то он «в их лице» становится полностью автономным, если же он не тождествен этим причинам, то обладает уже ставшей для нас тривиальной относительной автономией, в том числе по отношению к ним. Третьего не только не бывает, но даже не моделируемо. Именно поэтому более изощренные критики свободы наподобие Галена Стросона перешли к другой стратегии (об этом в самом конце). Пока мы занимаемся наивными теориями (Харрис, Сапольски, Дж.Ким и т.п.).

Пока трудность лишь в понимании ситуации, как могут появляться во времени новые «центры автономии», такие, как человек. Мы вернемся к этой проблеме после необходимой пропедевтики следующего параграфа.

1.3 «Думать логически»

В одном из чатов спорили атеисты и верующие, и какой-то очень серьезный мужчина дал понять сообществу: чтобы наконец разобраться, есть ли Бог, надо всего-навсего - «думать логически». Суть не в споре, это не поразительный казус, а более интересный симптом.

Начать с того, что люди под логикой понимают совершенно неопределенный «здравый смысл». «Логичное» не всегда совпадает с логическим, скорее, это какая-то интуитивная очевидность. И сама логика очень часто бывает «нелогичной».

Кант показал, что существуют эмпирические данные, которые ни при каких условиях нельзя получить с листом бумаги, отвернувшись к стене. Например, мы никогда не узнаем, какая мебель у соседей, только лишь рисуя в блокноте предикаты, кванторы и операции с ними, и не делая ничего другого. Без измерений нельзя узнать, как падает камень, и ускорение свободного падения у поверхности Земли в принятой системе физических единиц.

Нельзя «логически» доказать, что в доме нет хлеба, потому что пока вы это доказываете, жена может отдать последние полбуханки соседу, по русской традиции взаимопомощи, а выкладки на вашем листе останутся теми же.

Если мы знаем, что лакмус становится синим в кислотной среде, то вовсе не потому, что «вывели это логически». Почти все данные физики, химии и биологии получены с помощью измерения и перцептивной фиксации. Иначе перечисленные науки можно бы было заменить аксиоматикой и правилами вывода.

Логическое следование и каузальность часто путают. Хрестоматийный пример из учебника: можно сделать вывод о плохой погоде в ближайшие дни по боли в суставах, но нельзя сказать, что боль в суставах, - причина плохой погоды.

Предрассудок о том, что всё до каждой мелочи происходящее получено «из причин», как при формальном выводе родом именно отсюда. Это следствие низкой общеметодологической культуры среди ученых в сочетании с тягой говорить о метафизических проблемах так, будто речь идет об узкой специальности.

Сапольски в убеждении, что «всё в мире определяется причинами» ровно как тот мужик с чата. В реальности содержание большинства естественных наук, тем более прогноз предстоящего положения вещей невозможно «вывести логически» из чего-то предыдущего, элементарного, другого. Все эти знания получены наблюдением в широком смысле. Ссылка на «причины» происходящего, которые «не допускают ничего альтернативного» представляет собой весьма поверхностное, почти детское заблуждение. Обычно это называют «научным детерминизмом», когда для каждой мелочи есть какая-то «своя» то-

же мелкая причина. Однако такой детерминизм-нянька, детерминизм-зануда, как в голове его последователей, никогда не существовал, и даже не способен иметь моделируемого смысла.

Кому-то оценка может показаться излишне жесткой и «неполиткорректной», но Сапольски вынудил ее сделать своей категоричностью, догматизацией профессиональных знаний там, где они неприменимы, и изданием книги с заголовком «Всё решено» [Сапольски, 2025], чем не оставил ни единого шанса избежать радикального решения о собственной правомочности для таких выводов.

Еще это иллюстрация, как и почему «наполовину продуманное», «полуанализ» - хуже отсутствия анализа. Все «определено причинами» просто «говорят» вне попытки уточнить сказанное. «Иметь причину» не означает не содержать ничего нового по отношению к этой «причине». «Она» не способна полностью определить то, что она определяет вплоть до воплощения как в софизме бильярдных шаров.

1.4 Наивная дискретность и элиминация агента

Итак, на чем мы остановились? Трудность заключается лишь в понимании ситуации, как могут появляться во времени новые «центры автономии» такие, как человек.

В чем заключается эта трудность? В том, что мир, согласно классической механике, есть непрерывное перераспределение материи и энергии. С этой точки зрения, ничего нового в нем не возникает. Однако представление о невозможности возникновения нового нуждается в скрытом тезисе о том, что новое перераспределение энергии не создают никакой принципиальной новизны. [Левин, 2009, с.39-40]

Этот тезис не просто не убедителен, он не имеет осмысленного содержания, поскольку новым мы называем новое по свойствам, а не по «инвентарной переписи» «той же самой материи и энергии». В городе построен дом и его свойства не сводятся к свойствам того, что было в данной местности до момента постройки, поскольку несмотря на предполагаемое равенство «контрольной алгебраической суммы» всех без исключения показателей физических мер до постройки дома и после его постройки, упомянутое равенство не позволяет жильцам заселиться в указанный дом до того, как он построен. Если бы законы сохранения определяли новое и неновое лишь константами оценки совокупной энергии Вселенной, новое не могло бы появиться даже как лингвистический феномен. Поэтому аргумент против «свободы воли» от закона сохранения энергии представляет собой грубую оценку вне какой бы то ни было заботы о собственной осмысленности.

В условиях, где «ничего нового не может возникнуть», - буквально *отсутствует время*.

Как же тогда понять появление человека? Здесь возможны только два варианта.

1. Человек не сводится к субстрату, из которого состоит. Тогда вопрос об его возникновении решается автоматически — она очевидна и тривиальна.
2. Человек буквально является воплощением этого субстрата. Но и в этом случае он оказывается автономным. Почему? Потому что отрицать относительную автономию дискретно организованной материи — бессмысленно. Мы уже убедились: попытка лишить бильярдные шары «самостоятельности» при взаимодействии друг с другом приводит к «деменции теоретика». А если материя интерпретирована как непрерывная стихия, она вообще неспособна иметь какой бы то ни было структуры несвободы — будь то человек или что-либо иное.

К тому же «вещество-до-рождения» ничем особенным не отличается от любого другого вещества. У него нет магических свойств, которые лишали бы его риторической самостоятельности. А если при рождении не возникает ничего нового, значит, человек и это вещество — одно и то же. А раз вещество автономно, автономен и человек. Схема Харриса и Сапольски рушится даже в рамках доведенного до конца их собственного дискурса. Рассмотрим эту тему подробнее.

Стоит начать любую книгу о том, что «свободы воли нет», тут же наткнешься на элементы, которые «на самом деле» определяют наше поведение.

«Предположим, что как раз перед тем, как прочесть это предложение, вы попытались почесать у себя за плечом, заметили, что дотянуться до этого места становится все труднее, подумали, что с возрастом ваши суставы кальцинируются, пообещали себе чаще делать зарядку и немедленно решили перекусить. Что ж наука, сказала свое слово - каждое из этих действий и мыслей, осознанных и неосознанных, как и вся лежащая в их основе нейробиология, детерминированы. Беспричинных причин не бывает.

Как бы тщательно вы его ни препарировали, каждое уникальное биологическое состояние оказывается **вызвано** предшествующим ему уникальным состоянием. И если вы действительно хотите докопаться до сути вещей, вам нужно разложить эти два состояния на **части** и выяснить, как каждый **компонент**, составляющий «раньше», привел к появлению каждого **компонента** «теперь». Так работает Вселенная. [Сапольский, 2025 с.132, курсив и жирный шрифт мой]

Посмотрите на диаграмму Рис. 1.1.

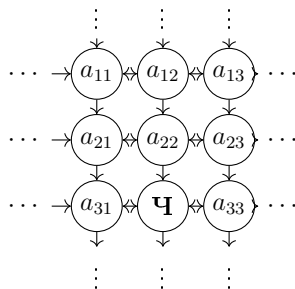

Рис. 1.1: Рис. 1. Первое состояние системы: полная структура (3×3) Направление времени — сверху вниз.

На ней схематически изображен человек (буква **Ч**) на месте элемента a_{32} в нижнем ряду, его окружают причины в виде других элементов. На одной строке изображены современные элементу **Ч** причины, в верхних строках - предшествующие ему по времени, поэтому стрела времени направлена сверху вниз, от верхних горизонтальных рядов (строк) к нижним. Пока всё здорово! Есть человек, есть причины, его определяющие.

Однако Сапольски не уточняет использование слова «вызвано» и очевидно не интересуется его возможным смыслом. Обратите внимание, слово возникает в цитате, оно для этого и выделено жирным курсивом. И схема, в которой события и условия можно изобразить в виде дискретных «компонентов», оттуда же.

Условность диаграммы тоже имеет смысловую нагрузку, когда говорят о «множестве причин», которые привели к рождению человека, никто и никогда не указывает их «полностью», а только несколько самых ярких, что и отражено в приведенной весьма убогой схеме 3x3. Это чужая наивность, которая попала к нам на разделочный стол. Оттого, что схема будет иметь 10, 100, 1000, миллион элементов, учитывать другие стрелки, обозначающие действие уже не соседних элементов вплоть до дальнего действия, она не изменится качественно. Технически мы можем на тонкой кратно сложенной кальке, на манер выкройки в журнале мод или чертежа в учебнике по машиностроению, воспроизвести «подробную» схему, даже с элементами, названными по Сапольски, с их сложными по иерархии, но однообразными по сути связям, где в ассортименте окажется только совместное или последовательное определение, многое к одному или наоборот и транзитивность. Но будет ли даже самый научно добросовестный читатель ее разглядывать на каждом участке, чтобы найти нечто, «делающее свободу бессмысленной»? Для опровержения такой постановки вопроса, достаточно попросить оппонентов, чтобы те показали именно тот ансамбль элементов, который опровергает мои слова.

Рассмотрим следующую диаграмму :

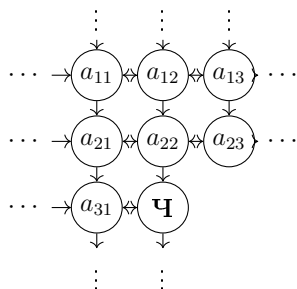

Рис. 1.2: Рис. 2. Второе состояние системы после элиминации некоторых элементов, не содержащих «ничего нового».

Как бы там ни было, если нижние элементы не содержат ничего нового (в том числе субъектной автономии), и каждый элемент - не более чем результат причинного определения другими элементами, мы можем элиминировать любой из них в нижней строке, например a_{33} , и так с каждым, включая **Ч**, он в систематической нумерации всего лишь a_{32} и не имеет никаких дополнительных прав. Можно убрать и среднюю строку элементов с a_{21} по a_{23} , и все элементы самого первого ряда, кроме одного, и получить диаграмму только с a_{11} (Рис. 1.3). Почему мы имеем право так делать? Потому что эти элементы не «вносят ничего», что не было раньше. Это и есть недекоративное определение отсутствия новизны, избавленное от демагогии.

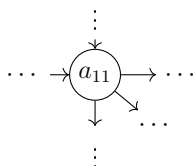

Рис. 1.3: Рис. 3. Третье состояние системы. Остался один «настоящий» каузальный фактор.

Детерминисты закричат «Вы упрощаете!». Стоп! Чьи слова были: «И если вы действительно хотите докопаться до сути вещей, вам нужно разложить эти два состояния на *части* и выяснить, как каждый *компонент*, составляющий «раньше», привел к появлению каждого *компонента* «теперь». Так работает Вселенная». Мы аккуратно разбили на компоненты и «докопались», и если человек *полностью* определяется «более ранними» или «соседними» причинами, и так можно поступить с чем бы то ни было, кроме человека, реально существует только a_{11} и как таковой абсолютно свободен. Или возникает

ситуация бесконечного регресса в прошлое, физически, тем более биологически, бессмысленная и явно превышающая горизонт компетентности биологов (Сапольски), которые в этом месте настаивают именно на своей специализации. Ситуация вообще не интерпретируемая, потому что бесконечность - это числовая мера невозможного, то есть никакого регресса на физическом уровне нет. В лучшем наиболее приемлемом случае есть какой-то элемент, его можно обозначить тем же символом a_{11} , который «определяет» **Ч** всё *сотерм-поральное* ему и последующее. Самое интересное, что a_{11} имеет техническую возможность это делать только во времени пребывания **Ч** и в соответствии с его «иллюзией свободы», - вспомните, как Джон пьет пиво в полной гармонии со своими намерениями.

Все эпифеномены «мониторинга» такой иллюзии определены a_{11} и, чтобы растождествить их с Джоном, требуется содержательная теория, о том что «*желания Джона - не желания Джона*», по исполнению обязательно имеющая вид «бредового дискурса», одних ссылок на «компоненты» уже не хватит. Это произошло потому, что «теория Сапольски» противоречит эмпирическим данным, в том числе в очевидной и протоколируемой части. «Свобода воли» здесь - единственная технически возможная точка зрения. И вовсе не ради морального аспекта, а чтобы причинная детерминация вообще имела смысл.

Не понравилось полученное? Тогда забудьте сочетания слов «Человек не свободен, потому что детерминирован внешними причинами».

Реальный физический смысл «нижних компонентов схемы» заключается в неизбежном появлении нового и не редуцируемого к своим причинам при его причинном определении.

Круглый ярко блестящий шарик от подшипника, возможно, выплавленный из стали с разных месторождений, полежавшей несколько раз не на одном складе металлолома, имеет «самостоятельный» цвет, удельный вес и скорость в динамической ситуации. Мы не говорим о первоначальных свойствах руды, когда описываем его актуальные свойства. Точно так же человек - это не сумма причин, которые привели к его рождению. С физической точки зрения, человек - это тело, вещь, которая «аномальным образом» открыта ему самому в качестве вещи. Более того, само представление о вещах возникло из этого базового представления. (Наверное - это самое гуманистическое использование такой оценки.)

Почему свойства, какие сейчас есть, металлический шарик иметь может, а человек - нет? Какими бы ни были причины появления шарика, они не способны сделать его менее круглым и менее блестящим, тем более они сами не были такими. Причины не обладают до такой степени фантастическими авторскими правами, их формулировка и отстаивание - уже не физика, а какая-то «шизофреническая юриспруденция». Если шарик металлический и круглый, а руда

не совсем металлическая, не совсем блестящая и совсем не круглая, почему человек не может быть свободным? Даже если кальций в его костях не обладал свойствами «свободы и человечности». И сам он «без спросу» стал кальцием, «не принимая во внимание более элементарное прошлое после Большого взрыва».

Если каждое явление объявить каким-то ненастоящим, «не содержащим ничего сверх имеющегося» и сводящимся к своим причинам из ранней истории, тогда это явление ничего не вносит в схему, и его можно убрать, вплоть до единственного элемента, подобного a_{11} . Элемент a_{11} оставили только потому, что надо что-то оставить, чтобы теория Сапольски *вообще была*. В довершение a_{11} оказывается единственным и по структуре положения вещей *неспособным определять нечто несвободное и быть несвободным от чего-то*.

А если элементы содержат новое, неважно вопреки или благодаря определению «своими» причинами, почему таковым не может быть человек? Более того, если он воплощается причинами, на чем настаивают детерминисты, у этого воплощения нет конфликта с его желаниями. Пример: *Джон, который пьет пиво и хочет пить это пиво, играет в футбол и хочет играть в футбол*. Отрицание автономии человека приводит к его отождествлению с *эталонным агентом*, воплощающим только «настоящие каузальные факторы». В таком виде он снова оказывается свободен.

Примерно такую же оценку дает Марио Бунге: «Согласно этой крайней, но последовательной доктрине природы причинности, *в результате изменения не может возникнуть новых вещей*; эти процессы могут привести к возникновению новых предметов, новых в числе или некоторых количественных отношениях, но они не приведут к возникновению нового *вида* вещей; или, с другой стороны, не может возникнуть никаких новых качеств». [Бунге, 1962, С.235]

Однако гипотеза о сводимости к старому, в том числе другому первоначальному количественному, - не наша, ее, в частности, вносят Г.Стросон и Сапольски вот так: ⊢ «Древнее положение вещей таково, что в нем нет никакого человека». Без всякой спецификации «приемлемого количественного».

И никаких «новых предметов» тоже не возникнет, потому что нижние элементы диаграммы «полностью определены верхними», согласно схеме определения, которую, в частности, предложил Сапольски, чтобы «развенчать» оригинальность человека.

Даже в самой каузальности есть такое нередуцируемое представление: начальное положение вещей + «процесс» = новому положению вещей, в том числе с теми «количественно отличающимися новыми предметами», упомянутыми Бунге, и этот процесс не сводим к старым элементам в узком смысле. Для надлежащего понимания изменения мира требуется абсолютно другая

формулировка «Старые элементы в своей динамической конъюнктуре и синергии имеют в себе что-то такое, что приводит к появлению нового, в том числе качественного». Это понимание не отменяет историю, но оно делает бессмысленным пафос о том, что человек с конкретной фамилией на «ов» или «тап» и с оттопыренными ушами не мог возникнуть от каких-то древних и предельно нецивилизованных стихий - так, что его природные силы и интеллектуальная автономия в комплекте со свободой, - уже не связаны с ними, или связаны *настолько*, что это не мешает ему пить чай или бренди». По сути, идея Сапольски о несопоставимости человека с его природой представляет собой *апелляцию к грандиозности*.

Но, самое главное, представления Сапольски - ни на чем не основаны, кроме разобранной нами схемы, которую он сам не понимает. В текстах «опровергающих» свободу нигде не проблематизирован статус нового в причинном определении.

Логический (или, точнее, «такой же, как логический») вывод не способен создавать ничего нового. Значит, об определении каждой мелочи и даже не мелочи «своими причинами» не может быть и речи. Специфика причинного определения как раз в свободе того, что им определено, - в противном случае новое вынужденно приобретает статус *запротоколированных чудес*. Это такое же формальное свойство, как $3 \times 3 = 9$ или отсутствие действительных корней квадратного уравнения с отрицательным дискриминантом. Оно может не вписываться в научное понимание философствующих биологов, но от этого природе ни жарко, ни холодно.

На практике мы считаем детерминированным такое новое, которое нам известно. В первый раз, когда из карбида и воды вырвалось пламя, его появление воспринималось как новое в метафизическом смысле. Возникновение не того, что ожидалось, и не из того, из чего ожидалось, - крайне элементарное базовое свойство Вселенной. Детерминисты бездумно переносили в философию данные физики, не понимая, что основанное на протоколе наблюдения, а не «исключительно формальном выводе», - детерминировано только по факту знакомства с ним.

Причинность изначально предполагает свойства детерминированного, оригинальные по отношению к своим причинам, иначе возникает смысловое противоречие, ситуация наподобие «круглого квадрата» только более запутанная и неочевидная. «Причины вообще», которая обеспечивает детерминистическую идеологию, пригодную для объявления свободы несостоятельной, никогда не существовало. Она не более чем плод воспаленного воображения людей, не способных к анализу.

Отрицание свободы на основе детерминизма было коллективным помрачением, крайне дешево организованной псевдонаукой, поэтому я не называю

свою позицию «компатибилизмом»: совмещаться не с чем, детерминизм не содержит смысла, противоречащего свободе. Такой смысл возникал из неумения считать, мы можем о нем говорить только потому, что содержание арифметической ошибки и «подробности теории теплорода» - тоже выразимы словами.

«Сегодня единственный принятый философский подход, подтверждающий существование свободы воли - компатибилизм - потому что мы знаем, что детерминизм в отношении человеческого поведения верен». [Харрис, 2015, С.28] Все с точностью до наоборот, «научный детерминизм» не просто не верен, в нем отсутствует такое содержание, которое могло бы быть верным или неверным в академической редакции.

Пожалуй, это наиболее фундаментальное заблуждение, портящее кровь столетиями, из-за которого меняли вероучения целых конфессий и создавали сложные концепции. «Всё определено причинами, поэтому свободы нет» - самая примитивная выкладка из тех, которые могли делать такое.

Пользователи и поклонники таких теорий - люди, которые очевидно с большим трудом и сопоставимым энтузиазмом *«понимают»*, что на «человека действует очень много причин» и на этом анализ завершён. «Много причин» у них укладывается в эту несложную даже по гуманитарным меркам схему.

«Итак, есть только один детерминизм - жесткий или, как я предпочитаю говорить, последовательный. Формула детерминизма: каждое событие в мире однозначно детерминировано предшествующим состоянием универсума.». [Левин, 2009, С.49]

Однако эта формулировка не учитывает, что детерминация - не перевоплощение причины, а если не перевоплощение, то у детерминированного есть свой вклад. Детерминизм утверждает, что детерминировано «всё». Однако это «всё», во-первых, проблемно и предполагает невозможную референцию. Во-вторых, двусмысленно - то, что определено не полностью тоже определено *полностью* в части своего определения. В-третьих невыполнимо, новое исключает смысл полностью определенного старым, иначе говоря в самой сердцевине, в том, что делает детерминизм детерминизмом, для чего он вообще придуман, детерминизм неспособен исключить недетерминированное.

«Иметь причину» - неизбежно двусмысленно. Все, что испытывает влияние, имеет причину, но это не говорит и даже не обязано пытаться говорить о том, что нечто внешнее или предшествующее воплощает определяемое им в любой окрестности каждой меры всех возможных количественных описаний. Такое определение не только невозможно, пытающегося его изложить даже не просто примут за специальную разновидность занудливого сумасшедшего, он буквально окажется этим сумасшедшим! И не окажется только потому, что «научный детерминизм» всегда был философской игрушкой и его никто не использовал на практике.

Таким образом, детерминизм не способен быть детерминизмом как раз в той части, которая призвана сделать его идеологией. Это напоминает чайник, в котором нельзя кипятить воду, в остальном он, безусловно, чайник! Или автомобиль, который во всем остальном автомобиль, но на нем нельзя ездить или перевозить груз!

Эффект «научного детерминизма» произошел из-за того, что механика описывает свое содержание в общем ракурсе и ее законы имеют статус достаточного основания, она в первоначальном виде представляет собой геометрию, в которой логический вывод реально осуществим. Эти методологические допущения были приняты за свойства мира.

Если вспомнить, что детерминизм - это идеология, исключая спонтанность, то есть нечто, что нельзя описать в сигнатуре его причин, детерминизм не тот, за кого его пытались выдать, то есть вообще не детерминизм, а что-то другое. И «настоящий детерминизм» еще не описан.

«Детерминисты» ссылаются на «всеобщую» детерминированность», как на нечто всем известное и непонятное только невеждам. В реальности, они никогда не понимали то, что вынесли в титул своей мировоззренческой позиции.

Люди, написавшие монографии, в которых содержатся генерализованные выводы, никогда не пытались по-настоящему анализировать, как происходит «полная детерминация причинами». Их теории в основной части состоят из стереотипов, которые осуществимы без всякой теории.

«С формальной точки зрения, отрицание «свободы воли», а точнее придумывание «ее несвободы», представляет собой класс тривиальных логических задач на сообразительность, приводящих к попытке записать, как минимум, бинарное отношение в одноместный предикат» [Торгашин, 2013, С.160]. В математике это называется «принцип Дирихле о кроликах и клетках». Наши бильярдные шары сводятся именно к этому.

1.5 Сапольски

Совсем недавно, в 2023 году, нейробиолог Роберт Сапольски выпустил книгу не просто опровергающую идею свободы воли, а в виде манифеста о глупости тех, кто в нее верит. Пафос этой работы состоит в профессиональном понимании вопроса и попытке разъяснить заблуждающимся, кто не имеет сопоставимого уровня учености.

Книга начинается [Сапольски, 2025, С.7] с анекдота о пожилой женщине, которая не верит в гелиоцентрическую систему и говорит профессору, что мир покоится на черепахе. На встречный вопрос «На чем сидит черепаха?» бабушка отвечает «На спине другой черепахи». На ожидаемый вопрос «На чем

эта другая черепах?» собеседница дает окончательный вердикт «Бесполезно, профессор Джеймс! Там черепахи до самого низу!».

Анекдот, что называется, «с бородой», его еще приводил в пример Бертран Рассел [Рассел, 1987, С.98], вместо старушки там был индус. Больше всего здесь удивляет не черепаха и не старушка, а реакция молодых людей, казалось бы, занимающихся интеллектуальным трудом. Однако это не просто интересный зачин, а ключ к пониманию всей книги. В ней, как мы увидим, более чем старательно излагается одно и то же, если не считать обширные вставки из нейрофизиологии, то есть «черепахи до самого низа».

Особенностью манускрипта, как обычно в таких работах, является вольное обращение с предрассудками, на которые автор ссылается, как на научные результаты.

«У поступка нет другой причины, кроме той, что человек решил поступить так» [Сапольски, 2025, С.8] Фраза бессмысленна сразу по двум причинам. Во-первых, нельзя назвать одну «такую» причину, которая однозначно бы делала поступок именно таким, со спектром понимания «этого поступка». Мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении теории Дж.Кима. Во-вторых, другая причина иногда и не так уж редко бывает. Мы опаздываем на работу не только потому, что встал весь транспорт, но и из-за выбора одежды и возни в душе. Неряшливость с терминологией начинается с самой первой страницы. Чувствуется небрежность заведомого превосходства, автор может говорить о «своей причине» так, будто хорошо с ней знаком, и она его единомышленница.

Сапольски подробно описывает современную интерпретацию механизмов поведения и, очевидно, думает, что этим самым получает моральное право делать метафизические выводы. Это ложное убеждение. Если мы подробно опишем устройство катка для укладки асфальта, сама подробность не сделает более убедительным тезис о том, что этот каток может летать, как самолет. Странно, но это так: всё содержание книги сводится к объяснению «ненаивно-го понимания» на тему, что наши поступки - не наши поступки, они «определены причинами». Излагаются небезынтересные факты такие, как у подростка в состоянии психологической подавленности может не развиваться мозг [Сапольски, 2025, С.121], тем более, если его плохо кормят, воспитание способно радикально изменить привычки человека, при некоторых органических поражениях нервной системы человек не может контролировать свои поступки и даже удержаться от убийства [Сапольски, 2025, С.119] при незначительной мотивации к этому, например, из-за бытового замечания.

«В центре внимания моей книги - все эти переменные, которые вы не можете контролировать. Вы не в состоянии выбрать по своему желанию все сенсорные стимулы окружающей среды, уровень гормонов в крови нынче утром, не способны оценить, случилось или нет в вашем прошлом травмирующее

событие, не можете выбрать себе ни внутриутробную среду, ни социально-экономический статус родителей, не в состоянии решить, какими будут ваши гены и кем были ваши предки - скотоводами или земледельцами.» [Сапольски, 2025, С.10] То есть для реальности свободы нужно контролировать «всё». Сапольски путает фичи данных с гиперпараметрами. Если мы будем контролировать действие вина на нас, нам станет неинтересно его пить, и отдых превратится в работу. В целом Сапольски не осознает, что находится в плену метафизических заблуждений, требующих «настоящую причину» в прошлом. Автор с его предопределенностью генами, статусом родителей и воспитанием не различает свободу как независимость от обстоятельств и «свободу воли».

«Это хорошие, разумные идеи, которые следует претворить в жизнь, если мы считаем, что у *некоторых* людей самоконтроль гораздо слабее, а возможностей свободно выбирать поведение гораздо меньше, чем в среднем у остальных, и что временами у *всех* нас их тоже гораздо меньше, чем мы себе представляем» [Сапольски, 2025, С.11] Здесь Сапольски забыл собственную концепцию, что у кого бы то ни было ровно одинаковые нулевые возможности что-то выбрать. Это не случайная оговорка. В дальнейшем станет очевидно, что без нее рассыпается смысл его собственных построений. Ниже мы будем говорить о «нормальном состоянии». Здесь Сапольски сам его предлагает в виде структурного элемента.

Принципиален следующий отрывок: «Предположим, человек нажимает на спуск пистолета. Мышцы его указательного пальца сокращаются, поскольку их стимулирует нейрон, обладающий потенциалом действия (то есть находящийся в возбужденном состоянии). Этот нейрон, в свою очередь, обладает потенциалом действия, поскольку его стимулировал предыдущий в цепи нейрон, у которого был свой потенциал действия, благодаря предыдущему нейрону и так далее.

И вот задачка для тех, кто верит в свободу воли: покажите мне нейрон, который запустил этот процесс в мозге, нейрон, потенциал действия в котором возник без всякой причины, с которым не связывался непосредственно перед этим никакой другой нейрон». [Сапольски, 2025, С.20-21] Ответ - никакой. Нет такой ножки стула, которая бы делала его стулом. Задача была решена в античное время, и что Сапольски ее задает свидетельствует не о невежестве незнания, а о невежестве недогадливости (самый академичный, но не самый точный термин). Для философа, которым Сапольски *решил стать*, это именно *невежество*, примерно, как для математика неумение раскрывать скобки.

Приводятся по-настоящему наивные частные аргументы: «Более того, современные модели детерминизма должны учитывать и ту роль, которую играет сознание метауровня. Что имеется в виду? Рассмотрим классический психологический эксперимент, демонстрирующий, что люди располагают мень-

шей свободой выбора, чем они думают. Попросите человека назвать любимый стиральный порошок и, если перед этим вы незаметно подсказали ему слово «океан», он с большей вероятностью ответит «Тайд». [Сапольски, 2025, С.22] Далее говорится, что если испытуемый узнал, что им манипулируют, он ни за что не скажет «Тайд», даже если это его любимое средство.

Перед нами не результат, опровергающий наличие свободы воли, а свобода «ляпнуть бездумно» в ситуации, когда последствия непринципиальны. Человеку, которому выдадут бесплатно стиральный порошок без права пользоваться другим стиральным порошком в течение года, назовет его без влияния сопутствующей ауры, по крайней мере, не будет называть самый нелюбимый стиральный порошок, которым невозможно стирать.

В следующей главе «Последние три минуты фильма» Сапольски утверждает, что оценивать свободна ли воля человека, все равно как судить о действиях персонажей по последним трем минутам фильма, где один то ли полицейский, то ли военный убивает другого то ли полицейского, то ли военного [Сапольски, 2025, С.24-25]. Сравнение абсолютно неуместное. Чтобы узнать болеет ли человек астмой, вовсе не нужна история возникновения этой болезни, иначе врачи вместо лечения начинали бы заниматься расследованием. Такое знание необходимо только для назначения статуса производственного заболевания, например, если человек работал в гальваническом цехе и поэтому заболел. Возможно, цех эксплуатировался с нарушениями защитных нормативов.

С другой стороны, 300 лет для полной индукции причинности, к которой Сапольски подводит, ничем качественно не отличаются от тех же трех минут. И даже этих трехсот лет, да что там - даже одного месяца у исследователей нет! Сапольски показывает несколько характеристик биографии преступников. «Если бы человек воспитывался в другой среде, то не совершил бы преступление» - оценка всегда неполная из-за разницы в положении вещей, из нее нельзя сделать даже точную иллюстрацию предполагаемых событий, не говоря уже об их моделировании. Если персонаж в конце фильма безобразно убивает мать с грудным ребенком, нам тоже предложат отмотать фильм назад? Сапольски неспроста приводит пример «приемлемого» убийства мужчины в форме другим мужчиной в форме. Даже если мы перекрутим фильм назад, решающие данные могут оказаться за кадром («открытая концовка по замыслу сценариста»). Вместо такой отмотки Сапольски необходимо было усвоить понятие необходимого и достаточного условия, очевидность которого не всегда предполагает полную проверку данных: не нужно выпивать море целиком, чтобы узнать, что оно солёное. Книга содержит очень много демагогических пассажей. И даже если бы мы точно узнали, почему преступление произошло, это бы не гарантировало решение задачи о свободе воли, потому

что это элементарно разные задачи.

В той же главе Сапольски разбирает эксперимент Бенджамина Либета начала 80-х годов XX века. Суть эксперимента в том, что испытуемый, к голове которого подключена система мониторинга, должен сделать нечто (согнуть палец, нажать на кнопку) и, глядя на часы с посекундным хронометрированием, точно сказать, когда он решил это сделать. По данным экспериментаторов испытуемый чувствовал решение примерно спустя секунду-две после аппаратной фиксации его нейрофизиологической картины, то есть мозг решал «за человека» раньше, чем он будет делать [Сапольски, 2025, С.28-31], «поэтому никакой свободы воли нет».

Вывод наивен, даже компьютерная программа делает отчет о работе не вместе с этой работой.

В некоторых местах Сапольски приводит немотивированно другие данные о том, что префронтальная кора (ПФК) «принимает решение» вообще за 10 секунд до «решения» [Сапольски, 2025, С.30]. За десять секунд можно пробежать стометровку и сделать десятки других действий, вводные для которых появляются в те же десять секунд, они все заранее запрограммированы? С другой стороны, что алкоголик завтра пойдет за водкой при наличии денег можно легко предсказать за сутки, арифметически это намного круче экспериментов в стиле Либета! Но это не значит, что алкоголик делает это не в соответствии со своей волей. Эти примеры ничего не доказывают, кроме низкого теоретического уровня и топорного мышления «в стиле миниатюр Михаила Задорнова»: Если решение возникает за 10 секунд, как тогда технически организовано то, что может помешать такому решению? Для того чтобы передумать, человек оказывается «слишком тупой».

«В увлекательных смежных исследованиях Фрид показал, что нейроны гиппокампа, кодирующие определенное воспоминание, активируются за одну-две секунды до того, как человек почувствует, что вызывает это воспоминание по своей воле» [Сапольски, 2025, С.31]. Если эту оценку сделать радикальной, то воспоминания окажутся случайным потоком образов, возникающих непонятно как и беспорядочно. В противном случае человек «чувствует» «до вспоминая» что-то релевантное ему, а этого достаточно для объяснения «вызова». Если человек начнет действовать на основе «академического осознания действия», он станет неправдоподобно заторможенным.

По той же причине разговоры об «отдельном решающем нейроне» не имеют смысла. Без контекста его активность была бы ни к чему не относимой, значит, на уровне сигнатуры не могла бы содержать решение. Эксперимент Либета деструктивен только при очень узкой и идеологизированной интерпретации. Он исследует не свободу, а ощущение свободы, что не одно и то же, монитор и видеокарта - разные устройства. И задержка на мониторе не

значит, что где-то в другом месте происходит что-то бессмысленное. Не осознаем, как работает мозг, но это не значит, что мозг не работает как-то «в нашей редакции».

«Когда звонок задерживался, испытуемые сообщали о своем намерении нажать кнопку чуть позже обычного, хотя ни потенциал готовности, ни время начала движения в действительности не менялось». [Сапольски, 2025, С.31] Они не знали, что от этого «зависит их свобода», иначе бы поторопились. «Другое исследование показало, что, если вы чувствуете себя счастливым, ощущение сознательного выбора посещает вас быстрее, чем если вы расстроены, что только подчеркивает, каким субъективным и ненадежным оно бывает». [Сапольски, 2025, там же] Почему-то Сапольски считает это в пользу отрицания «свободы воли», хотя всё с точностью до наоборот, осознание решения здесь по сравнению с самим решением, как ленточка, которой обвязан подарок. Вероятнее всего, чаще, чем принято думать, мы ленимся осознавать.

«Но тут скептики свободы воли нанесли компатибилистам ответный удар. Группа Хайнеса визуализировала работу мозга испытуемых, выполнявших задание, не предполагавшее никаких действий: они выбирали между сложением и вычитанием.» [Сапольски, 2025, С.35] Сапольски не понимает, что это контрольный выстрел в голову для эксперимента Либета, причем добровольный. Если мы не осознаем арифметические действия и они *нигде не осознаются*, *их содержательность и когерентность происходит сама вне привязки к задаче*. А есть еще дифференциальное исчисление и алгебраическая топология. Если они тоже не осознаются, почему книги не возникают сами собой и за 1000 лет до Пуанкаре?

Всё это имело бы хоть какой-то смысл, если бы развернутые действия без осознания были технологичны, то есть в рамках серий судорог можно было бы дойти от работы до дома, точно угадывая цвета светофоров. А если это невозможно, функциональное осознание выбора есть, неважно где, когда и в каком виде оно проявляется. У интерпретаторов эксперимента Либета очень недалекий радиус догадливости, как «у нейрона», который «решает за две секунды».

Сапольски зачем-то подробно занимается разбором содержания аргументов экспериментаторов в стиле Либета, чтобы в конце объявить, что они несостоятельны. [Сапольски, 2025, С.42] Это сильно напоминает предложение из «12 стульев» Ильфа и Петрова о том как Ипполит Матвеевич «выдумать ничего не смог и рассерженно проследовал в свой номер».

В следующей главе «Откуда берется намерение» [Сапольски, 2025, С.51-91] Сапольски излагает, по всей видимости, основную аргументацию, которая сводится к причинным факторам по порядку следования параграфов «За секунды и минуты до...», «За минуты и дни до...», «За недели и годы до...»,

«Назад в отрочество», «И детство», «Назад. В материнскую утробу», «Назад к самому началу. Гены», «Столетия назад. Люди, от которых вы произошли». Читатель легко представит примерное содержание этих параграфов. Речь о том, что будь в это время что-то по-другому, и вы были бы другим. Родись в США, а не в России - будешь американцем. Если бы это решало проблему свободы, свобода американцев и русских была бы решена этой выкладкой. Но если она ничего не решает, остальные такие же выкладки, будь их хоть не 500 страниц, а 500 000 000, решают ровно столько же.

Последний параграф этой главы называется «Неразрывность». В нем Сапольски описывает происходящее с нами, как «неразрывный поток влияний, в который нужно впихнуть свободу воли». [Сапольски, 2025, С.87] Однако почти все нейтральные психологические характеристики, такие, как эгоистичность, увлечение футболом, склонность к рукоделию находятся «вне этого потока». Они им определены, но не являются его элементом. Свобода воли может быть хоть миллион раз определенной и при этом *существующей*, - ее не надо никуда «впихивать». Сапольски и те, на кого он ссылается, исповедуют какой-то утопический атомизм, не разрешающий рассматривать составное как реальное. В этом месте он, не осознавая, начинает спорить с Гилбертом Райлом [Райл, 1999, С.26], с его теорией категориальных ошибок, о том, что Оксфордский университет - не элемент среди колледжей.

Вопреки стихийной «теореме» автора и его возможных единомышленников, неразрывность - не антагонист свободы, а неисчерпаемая плотность условий. Это значит не более того, что теоретик детерминизма не может показать все причины возникновения феномена, и вывод о правоте этой доктрины, даже с её точки зрения, невыполним из-за естественного барьера.

При перечислении факторов Сапольски не понимает одного обстоятельства: если что-то определяют «все» факторы, не определяет ни один из них. Человек не может быть «суммой гормонов», в противном случае он окажется тем же человеком только из другого субстрата. Но даже сами детерминисты не считают автоматическим решением проблемы свободы воли обстоятельство, что люди состоят из элементов таблицы Менделеева. В этой части тоже возможна неопровержимая точная риторика, о том, что человек - это сумма атомов.

В следующей главе «Волевая сила воли: миф об упорстве» [Сапольски, 2025, С.92-131] рассматривается тема зависимости человека от состояния его мозга, прежде всего префронтальной коры (ПФК). Человек с патологией ее развития или претерпевший ее деградацию не может контролировать свои действия. Сапольски считает это неопровержимо убедительным, но не отдает себе отчета в том, что сам очерчивает теоретическое «нормальное состояние».

Есть эталон «нормальной реакции», которая расценивается, как правиль-

ное решение, иначе бы все поступки были одинаково приемлемыми, и аргумент о состоянии мозга исчез. В мире, где нет более или менее удачных поступков, невозможно выбрать такие, которые нарушают представление о здоровом мозге. Ситуация превращается в вопрос типа, какой стол выбрать из двадцати свободных в ресторане. Возразят, что так оно и есть и только с точки зрения предрассудков о морали как-то иначе.

Однако Сапольски *вынужден* иметь в виду нормальное восприятие, иначе все тексты, в том числе его собственные и даже «Всё решено», опровергаются любым феноменально неадекватным и неправильным их восприятием и интерпретацией. Оно становится законным. И если есть нормальное здесь, оно может быть и в бытовых этических вопросах, таких как «Можно ли убивать на месте, если тебе всего лишь грубо ответили». Когда человек с поврежденной ПФК считает грубое слово настолько важным, чтобы за него убить, по всем медицинским критериям он болен, а если не болен, аргумент досрочно не имеет смысла.

В рамках другой стратегии Сапольски пытается свести деятельность человека к «отделам мозга» и почему-то воспринимает эту работу, как подрывную, а не рутинную [Сапольски, 2025, С.130-131]. «Решение принимает мозг, поэтому оно не наше» - это, как отрицание возможности физического движения, например, ходьбы, потому что при ней используются материальные ноги. Очевидно настоящая свобода воли в голове «либертарианцев» должна быть похожей на призрака.

В конце главы «Откуда берется намерение» есть любопытная сноска «Не совсем до бесконечности, конечно, поскольку в какой-то точке этой регрессии добираешься до Большого взрыва и того, что было перед ним, а я в этом ровно ничего не смыслю. До бесконечности или нет, самое важное здесь вот что: чем дальше назад, тем слабее влияние, ваша реакция на незнакомца, который вас только что оскорбил, сильнее зависит от уровня гормонов стресса, циркулирующих в крови, чем от количества инфекционных заболеваний перенесенных вашими предками». [Сапольски, 2025, С.90, примечание] Сапольски смыслит гораздо меньше, чем в приведенной выше оценке, вплоть до именно этого своего примечания. Он не понимает, что *большее влияние происходящего сейчас*, организует количественный непрерывный аналог свободы воли, нет, не для агента, а для анонимного фактора, и если этот фактор может быть самостоятельным поверх всего прошлого и действовать «сильнее», ничто технически не мешает и свободе быть в этом смысле такой же. Сапольски разрешает это только идеологически допустимому. Почему он не может не разрешать? В противном случае нельзя будет говорить о целом («этом» в референтном смысле) и новом, любое высказывание теории окажется размазыванием весов значимости по всему, что удалось перечислить. Взрыв из сингулярности, если уж он о

нем заговорил, абсолютно несовместим с невозможностью появления нового, «не как в начале», иначе придется фантазировать о гомункулах, запертых в «точке».

«Доказать существование свободы воли можно, лишь продемонстрировав, что какое-то поведение возникло просто из ничего и никаких предшествующих биологических факторов у него не было. Вероятно при помощи хитрых приемов философии этот вопрос еще как-то можно обойти, но при помощи арсенала науки не получится» [Сапольски, 2025, С.90]. Только этот арсенал стреляет в ногу своему владельцу. Сапольски не обладает культурой теоретического вывода и интерпретации до такой степени, что становится тревожно за качество научных результатов в рамках его специальности. Он не понимает, что факторы не работают, как толстый дренаж: чем толще, тем лучше», и недалек от следующей идеи: если подробно описывать электрическую цепь, в конце концов, обязательно докажешь, что она не может замыкаться и размыкаться в только одном месте. Перечисленные факторы - не кумулятивны, старательность здесь вызывает сочувствие, она лучшее свидетельство, что он *искренен* в своем убеждении.

Сапольски упоминает эксперимент, где нужно выполнить работу и получить вознаграждение или выполнить в два раза больше этой же работы и получить тройное вознаграждение. «Какой вариант выбрать. Если вы думаете, что свободно можете заставить себя проявить самодисциплину, выбирайте второй вариант - сделаете немного больше, зато сорвете огромный куш! И, действительно, испытуемые как правило, предпочитают второй вариант, независимо от размера вознаграждений. Недавнее исследование показало, что активность в мПФК отражает степень предпочтения второго варианта. Что это значит? В данном случае мПФК определяет, насколько больше нам нравятся условия, вознаграждающие самодисциплину. В общем, эта часть мозга заставляет нас думать, будто мы способны проявить свободу воли. Другими словами, это биологическая машинерия, вынуждающая нас верить, что никакой машинерии-то нет». [Сапольски, 2025, С.131]

Фрагмент высмеивает соломенное чучело о том, что мышление и вообще психическая деятельность не должны иметь физиологической основы. Сапольски приписывает своим оппонентам в рамках современной науки нереализуемые представления. Интереснее другое, он сам фактически признается в вере, будто мышление это что-то совершенно отдельное от физиологических процессов мозга, страдающее от них и *манипулируемое* ими, претерпевающее обман. А если между тем и этим «нет зазора», тогда о чем ломание копий?

Нервные окончания ноги в районе мозоли коварно вводят нас в заблуждение на тему, что это больно и нужно быть аккуратным при ходьбе.

«В главе 1 я уже говорил, что вы можете сделать, чтобы доказать мне су-

ществование свободы воли; в этой главе я дополню своё требование: покажите мне нейрон, на работу которого не повлиял ни один из этих факторов - ни происходящее в 80 млрд окружающих его нейронов, ни та или иная комбинация гормонов, коим несть числа, ни уникальные условия детства и внутриутробной среды, ни тот или иной геном (один из $2^{40000000}$ вариантов, умноженных на почти такой же огромный диапазон всевозможных эпигенетических аранжировок) и так далее. Вашему контролю тут ничего не подвластно.» [Сапольски, 2025, С.89] Это излишняя щепетильность, на нас «действует» материя, из которой мы состоим и она вся «не наша». В этом месте Сапольски выламывает открытую дверь. И он почему-то при убеждении, что длина условия меняет значение истинности. Например, на желтую акацию действовало не меньше условий, чем на нашу волю, и с таким же успехом можно начать опровергать то, что она желтая. Это так наивно - миллиарды лет, число комбинаций в показателе двойки, и вдруг так просто - желтая, а не белая. Будь Сапольски занялся математикой, он бы начал пытаться доказывать, что очень длинная булева формула не может быть «просто» истинной или ложной.

Сапольски долго и старательно перечисляет список факторов с упором на то, что он длинный. Однако их финальное действие определяется формализмом необходимого и достаточного условия, и сама грандиозность числа определяющих факторов и событий ничего не решает. Как акация человек может быть веселым или серьезным, умным или усидчивым, *свободным или несвободным*, несмотря на миллиарды лет и « $2^{40000000}$ вариантов».

Человек свободен или не свободен здесь и сейчас, его физиология современна ему и он ее не прячет от исследователей, поэтому стихийный «историзм» Сапольски с миллиардами лет и «тремя минутами фильма» абсолютно неуместен, чтобы понять исправен ли телевизор нам не нужна его подробная история изготовления на заводе и создания тех материалов, из которых он изготовлен. Категоричность Сапольски в части отрицания свободы вызывает сочувствие, как отвага младенца.

Целое обладает свойствами, которыми не обладает ни одна из его частей, неважно рождалось оно миллиард лет или меньше. Никакой пиксель монитора не может показать сложное изображение, водородом или кислородом, даже их смесью нельзя утолить жажду. Синергия частей в целом и возникновение - крайне нетривиальны, но наблюдаемы. Все новое в мире создано определяющими факторами, в том числе каузальными, это единственный его источник. «Польза» от причин не в копировании того, «что было». Сапольски пользуется готовыми клише из предрассудков. Если даже «всё определено гормонами», картина происходящего просто пишется другой краской. Кроме гормонального влияния есть перцептивное, иначе гормоны целиком определяли бы содержание окружающей среды, но делали бы это эффективно. Ес-

ли решает только «решающий нейрон», решение ни на чем не основано или возникает в результате предустановленной гармонии, но так, словно вместо «нейрона» работала вся нервная система.

Недостаточная теоретическая культура для таких исследований проявляется даже в мелочах. Отсутствие ответа на «укажите нейрон» не опровергает свободу, а, самое большее, делает ее недоказанной. Очевидно Сапольски не различает эти положения и считает отличие необходимого и достаточного условия - «философскими уловками». На эту тему возможна басня о должнике, который радуется гигантской сумме своего долга в качестве денег, «имеющих отношение к его делам», в некотором смысле так оно и есть, а различение дебиторской и кредиторской задолженности - это какие-то «уловки». Сапольски не понимает, что чистое перечисление факторов без их интерпретации или с неудовлетворительной интерпретацией может оказаться хуже их отсутствия.

Сапольски на 6/10 закидывает нас аргументами, «подтверждающими его правоту» и на 4/10 в конце оговаривается, что они ничего не решают. Не каждый читатель сообразит, что почти доказанное отличается от доказанного настолько же, как очередь, завершившаяся покупкой, отличается от очереди, которую бросили за два человека от прилавка.

В начале книги есть любопытный фрагмент, в котором дается оценка ее результата: «Прежде всего надо принять во внимание следующее. Если сосредоточиться на какой-то одной области - нейробиологии, эндокринологии, поведенческой экономике, генетике, криминологии, экологии, детском развитии или эволюционной биологии, - у нас останется достаточное пространство для маневра, чтобы решить, что биология и свобода воли могут сосуществовать. По словам философа Мануэля Варгаса из Калифорнийского университета в Сан-Диего, «утверждение, будто какой-то научный результат доказывает ошибочность представления о «свободе воли» ... это либо плохая наука, либо академическая спекуляция» И если признать очевидное, он прав. [...] Да, ни один результат или научная дисциплина по отдельности справиться с этой задачей не могут. Но - и это крайне важный момент - *соберите воедино все научные результаты из всех соответствующих научных дисциплин, и для свободы воли просто не останется места*». [Сапольски, 2025, С.13-14]

Идея следующая: ты сдал ЕГЭ по части предметов на невыдающийся балл, примерно на 60, если сдать все экзамены на такой же балл, в сумме он окажется неожиданно высоким, скажем, 90, из-за того, что «экзаменов много и вы долго трудились». Это попытка обмануть среднее арифметическое. Мы понимаем, что Сапольски - не специалист по числовым оценкам, но не до такой же степени.

Бывает, функция, на входе которой несколько невысоких вероятностей, даёт по какому-то поводу высокие шансы, но это нужно оговаривать специ-

ально и количественно. И если такое происходит относительно свободы воли, это означает качественный прорыв, ничего похожего у Сапольски нет. Книга целиком состоит из перечислений детерминирующих факторов. Чуть ниже приведенной оценки мы находим только такую оговорку: «Нет, тут дело в том, что эти научные направления, взятые в совокупности, отрицают свободу воли, поскольку все они взаимосвязаны и составляют единый и неделимый комплекс. Рассуждая, как влияют на поведение нейромедиаторы, вы в то же время неявно рассуждаете о генах, которые определяют строение этих химических менеджеров и об эволюции этих генов: области «нейрохимии», «генетики», и «эволюционной биологии» невозможно отделить друг от друга. Изучая влияние событий внутриутробного развития на поведение взрослого человека, вы автоматически учитываете такие вещи, как пожизненные изменения в паттернах секреции гормонов или в генной регуляции. Рассуждая о влиянии стиля материнского воспитания на поведение повзрослевшего ребенка, вы по определению рассуждаете и о характере культуры, которую мать своими действиями транслирует. Тут нет ни единого просвета, куда можно было бы впихнуть свободу воли». [Сапольски, 2025, С.15] Начать с того, что это образец научной демагогии почти для атласа. Какое отношение имеет генетика к свободе воли, или ожидается, что кто-то «свободный» может изменить свои гены на уровне фенотипа, «волевым усилием»? Эта часть пассажа бессмысленна. То же относится к стилю воспитания матери, или свободный должен уметь манипулировать родителями? Или «свободный» должен позаботиться о своей свободе во внутриутробный период? Обо всех этих факторах говорится, как об отменяющих свободу, почему тогда они способны это сделать только «сообща»? А если гены, стиль воспитания матери её не отменяют - перед нами тезис с контрпримером, пусть и анонимным, который автор не рассматривает. Сапольски не различает фактор как влияние и фактор как отмену, если любое не выбранное нами стечение условий - это фактор, отменяющий свободу, все эти высоконучные данные излишни, дотаточно указать, что человек родился не в XIX веке, а в XXI, и он этого не выбирал, или, как сказано выше, родился в России, а не в США, значит, все его поступки - автоматически «не те, которые он сам выбрал». В таком случае книга и даже весь мировой дискурс о свободе воли мог бы состоять из одной страницы. Если теорема Пифагора доказана, зачем о ней и только о ней писать горы томов? Своим перечислением Сапольски, самое большее, доказывает тезис о том, что условия происхождения человека существенны для его личностных свойств и подходит к гипотезе о том, что эти личностные свойства несовместимы со свободой воли, без какого бы то ни было наброска теории для её решения. Это весь трофей, который и так был в наличии без всякой книги. Например, у Г.Стросона (см. предпоследнюю главу настоящей работы) это выражено короче и грамотнее.

Чувствуется явный интерпретационный тренд. Другой автор мог бы написать вот так: «Несмотря на высокую степень детерминированности, говорит об общей детерминированности не приходится, из-за того, что незначительная поправка может полностью изменить картину, всем известно, кто кроется в деталях. Более того, здесь даже вероятность невысокая, и вообще говорить о вероятности, когда не до конца понятно, к какому событию она относится представляет собой грубую ошибку». И текст бы это не только выдержал, скорее он не выдерживает оценку Сапольски.

1.6 Эмерджентность и гилеморфность

Эмерджентностью (от английского emergent «возникающий, неожиданно появляющийся») называют наличие таких свойств у целого, которые не присущи его частям (компонентам). Введение термина относят к Д.С.Миллю [Kim, 2008, p.127].

Сапольски разбирает занимательную разновидность эмерджентности и, как ни странно, она самая банальная, основанная на чем-то исключительном и модном, не годящемся для описания повседневности. Он считает, будто неожиданное не может возникать «по генеральному плану»: «Вот настоящая эмерджентность: начните с одного муравья. Он бесцельно бродит по полю. Десять муравьев заняты тем же самым. Сотня взаимодействует друг с другом со слабым намеком на некие закономерности. Но соберите вместе тысячи муравьев, и они образуют колонию с разделением труда». [Сапольски, 2025, С.164]

На самом деле для проблемных свойств вовсе не требуется флуктуаций, похожих на фейерверк, не обязательно должны возникать что-то яркое, как у лакмуса в кислоте или намоченного карбида, - важно только то, что появилось новое, которого не было, и свойства целого нельзя объяснить из свойств его частей, неважно как оно возникло - по плану или не по плану. Я называю это гилеморфностью, в противовес эмерджентности, за которой не нужно гнаться.

Составные части были деревом, нефтью и рудой - стали скамейкой из досок, пластмассы и металла. Это не эпифеномен, скамейка обладает именно свойствами скамейки в пространстве и времени. На ней удобно отдыхать, чего нельзя сделать на любой из ее реек 50x100x2300, на любых из двух металлических деталях, связывающих доски сиденья и спинки, и одновременно служащих парой ножек, нельзя отдохнуть на любом болте крепления и на любой из шайб и гаек. Каждую из ее деталей можно пронести в стандартный дверной проем, а ее не пронесешь без разборки. Скамейку целиком и полностью придумал конструктор, и это настолько тривиальное изделие, что он не стал защищать авторские права. Ее появление без остатка детерминировано

и в голове автора, и при изготовлении. Но гилеморфность *пишется поверх детерминации*. Она не требует дополнительных «ресурсов неожиданности», однако сами гилеморфные свойства могут быть причинным фактором, точнее, почти всегда им и бывают.

Следует отметить, что слово гилеморфные свойства - не класс, термин объясняющий, а не классифицирующий. Если речь идет о воздушном шарике его синий цвет не гилеморфен, а если речь именно о синем шарике, и его нечем заменить, то гилеморфен. Форма и размер насадки гилеморфны относительно возможности отвинтить именно такой болт. Нетрудно догадаться, что в числе гилеморфов (гилеморфных свойств) большинство «результатные» [Kim, 2008, p.129], то есть не содержащие загадки своего возникновения.

Азот, фосфор, кислород, водород, углерод неспособны нас пропитать, но они это делают, образуя хлеб. Свойства целого не противоречат ни его детерминированности, ни даже «детерминизму», насколько он вообще способен иметь смысл. Новое возникает, не нарушая законов сохранения, а в соответствии с ними. Каков порядок его возникновения? Ни один из компонентов отвёртки не способен быть ответной частью шлица и проворачивать саморез. Здесь нет возникновения новой энергии, но информационная организация отвёртки такова, что только с ее помощью можно произвести такую работу. И в этом месте происходит выгода при использовании энергии. Этот эффект и создает новое, не нарушая законов природы.

Если сначала мы дадим человеку с 42-м размером обуви туфли 44-го размера, а человеку с 44-м - туфли сорок второго, а потом они поменяются с «материальной и энергетической точки зрения» ничего не изменится с функционально-прагматической - изменится всё. Для обладателя 44-го размера туфли на два размера меньше - это остаться босиком.

Польза - не разновидность энергии, она способна возрастать. То же самое можно сказать и о новизне. Процессор, который годится для архитектуры данного вычислительного устройства нельзя описать только в терминологии материи и энергии. Однако наличие или принципиальное отсутствие такого процессора окажется определяющим в причинной цепи последующих событий, связанных с изготовлением и эксплуатацией компьютеров.

Почти всё в мире имеет свойства, не сводящиеся к обезличенной энергии и материи. Причинность по своему содержанию и вполне стихийно имеет не только энергетический, но и информационный аспект, однако ее продолжают описывать как что-то полностью укладывающееся в сигнатуру законов сохранения. Первое и второе не различается. В этом смысле показательна научно-популярная книга Г.Д.Левина «Трактат о свободе» [Левин, 2009].

Там, где новое способно появляться в рамках законов сохранения, и ничего не нарушая, где его появление не только возможно, но и неизбежно, понятие

«универсально детерминирующего научного детерминизма» теряет смысл.

Быть *чем-то* и содержать *что-то*, отсутствующее в своих составных частях, - одно и то же. Возникновение «не из того, из чего ожидали» - обыденно, скорее всего, Вселенная - не исключение.

Гилеморфное - небеспричинно, но не одна из причин для него не «своя». Целостность буквально не имеет *уникальной* причины, кроме своего единства. Как скамейка, удобная для отдыха, монитор, способный передавать изображение, человек становится «собой» в качестве феноменальной свойственности атомов, тканей и физиологических систем, собранных вместе, - не раньше своего появления. Свойство быть целым возникает сразу, один раз, и не требует специальной, «освобождённой» причины.

И такая причина всегда «внутренняя», несмотря на длинную историю «внешних» определений. Именно поэтому каузально определенное сознание появляется «беспричинно», как невозможное. Составные части, вообще говоря, не мешают: стул состоит из ножек и ножки не отнимают его своеобразность. Человек состоит из многого, но люди не жаждут ампутации ног, потери глаз, утраты части мыслей, чтобы «стать свободнее».

Свобода - это не исключение, а закономерность. Человек свободен, потому что он существует, ровно, как теннисный мяч или ящик столешницы. Отказывать человеку в этом из-за того, что ни одна из его составляющих не обладает таким свойством, это все равно как отказывать скамейке в свойстве быть удобной из-за того, что ни одна из ее деталей не удобна. Для целого совокупной причиной становится именно целое, вопреки пафосу Сапольски, который не то, что «решил» проблему, но даже не приблизился к усвоению её элементарного содержания.

Информация в рамках Вселенной работает не как генератор, а как усилитель, но в локальной системе именно как генератор. Примером этого могут служить как раз рукотворные генераторы, которые в экономии Вселенной просто перераспределяют энергию, но дают возможность пользоваться ею здесь и сейчас.

Свобода - это информационный феномен. В определении причинных факторов положения вещей важны до такой степени, что можно говорить о гилеморфном пространстве свойств, гораздо более сложном, чем физическое пространство. Оно учитывает не просто энергию и количество вещества, но и возможность выкрутить болт, а не вырвать и не смять то, во что он закручен.

Гегель прав, чистое бытие и чистое ничто действительно совпадают [Гегель, 2017, СС.63-64], и когда говорят о Творении имеют в виду возникшее не в физическом, а в гилеморфном пространстве. Создавать то, что из нее «не следует», - специализация причины, её «тип доблести», как у музыки гармония и у математики - точность.

В начале было Слово, то есть информация, а не Дело. Дело без Слова может быть разрушительным или бесполезным. «Вначале было Дело» продиктовано конъюнктурным энтузиазмом романтизма, который в таких вещах не лучший советчик, чем сам Гёте.

В одинаковой мере все определено причинами и все спонтанно для причин. И для этого не нужен домен микромира. Состав человека меняется, организм то и дело превращает в нас, что нами не было. Искать тот «самый нейрон» бессмысленно, потому что он потребует «того самого атома», который всегда «другой». Гилеморфное в прямом и достаточно топорном, допускающем методологическую небрежность, смысле - беспричинно. «Своя» причина появляется одновременно с событием.

С другой стороны, нечто, которое «полностью не само» никто не видел, нет даже такого моделируемого смысла. Представление об автономии относительно определяющих факторов - единственный вариант операционального описания. Ссылка на природу у «детерминистов» возникает из-за незнания собственной теории, в природе мы ничего такого не наблюдаем. Легкость апелляции к природе родом из XIX века. Детерминизм не уточняет то, *чем* детерминировано. «Всем» - ответ бессмысленный, любая детерминация имеет тему и аспект, не относящийся к её влиянию. А общая причина позволяет «всему» быть собой.

Детерминизм не был никогда таким детерминизмом, в котором детерминировано «всё» в том метафизическом смысле, как думают отрицатели свободы. Если бы всё было детерминировано, существовала бы только единственная автономия. Вопрос «Чем (или кем) детерминировано?» обескураживает этот пафос, потому что вместо фантастического одного центра возникает множество их, с непритязательной и реальной свободой, отрицание которой - экстравагантно и «теологично». «Своя причина» - предрассудок на уровне кухонных сплетен, некоторый стихийный «изоморфизм», штамп, о котором даже не задумываются, что его нужно интерпретировать.

Общепринятое понятие эмерджентности имеет существенные недостатки. Оно ориентировно на яркие исключения, которые «нарушают картину закономерного». Гилеморфность есть во всем, что не является точной копией своих причин. «Все определено причинами» не уточняет этого определения. Детерминисты не отдают себе отчета в том, что одновременно тотальная и анонимная детерминированность - придумана. Быть определенным причиной не означает не содержать ничего нового по отношению к ней. Эту формулировку никто не анализировал, она предполагалась «понятной». Человек не был и вдруг появился - также обыденно, как возникновение мебели в мастерской.

Недобрую шутку с учеными также сыграли квантовая физика и теория хаоса. Если взять структуру статьи иркутского философа А.И. Шафоростова

«История фундаментальных идей: детерминизм» в ней происходит резкий переход почти от Лапласа к Копенгагенской интерпретации, и причинность как таковая не анализируется. И это не исключение, новые теории дали ложный повод заменить понимание сути «новым пониманием», которое на самом деле не замена, а только повод надеяться на чудеса.

Вспомним софизм двух бильярдных шаров, которые определяют друг друга, *только не себя*. Согласно предрассудку, «внешней причинности» так должна себя вести любая вещь. Есть такое расстройство личности аллоцентризм, когда человек отказывается от своих интересов ради интересов окружения, чаще всего из-за боязни ответственности. Расхожее учение о причинах удобно называть тотальным аллоцентрическим детерминизмом (ТАД). Он тотальный, поскольку «определение другим» происходит для всех возможных «компонент» (по Сапольски). Это очень грубая бессмыслица, которую ученый уровня Сапольски обязан обнаруживать самостоятельно, тем более, если он пишет и публикует специальную монографию именно об этом в 600 страниц.

Острота проблемы состоит в том, что детерминизм считают доказанным. В реальности он даже не изложен. Более того, в существующем виде невыполним и бессмыслен. А вся его глубина вот такая:

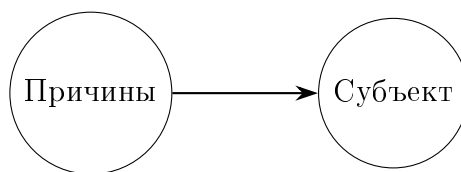

Рис. 1.4: Диаграмма причинно-следственной связи

«Отсутствие свободы» - не самое деструктивное следствие ТАД. Паническая элиминация причин из любого центрического фокуса, из всего, о чем может идти речь приводит к устранению предметности как таковой, предельно обобщенного представления о *чем-то*, чем бы оно ни было. Автономия бывает без свободы и она не менее подвержена деструкции, чем последняя. Даже у человека мы не всегда называем это «свободой воли», а считаем атрибутом вещи, частью статуса её элементарного существования.

Не только «свобода воли» «не за того себя выдает», но и префронтальная кора (ПФК). Она состоит из молекул, которые постоянно меняются и нет такой молекулы, которая бы определяла ее функционал. А если ПФК способна иметь функционал, вопреки этим «подрывным идеям», почему свой функционал не может иметь человек? Да, он имеет сознание и способен руководить своими действиями, но это такая же рутина, как выработка секрета надпочечниками.

Плоскоземельцу, утверждающему, что мир покоится на трёх китах, принято задавать вопрос «А на чем сами эти киты?», любой из его возможных ответов порождает новый вопрос:

- Океан.
- На чём океан?
- Другие киты (или любое другое животное).
- На чем они?

В нашем случае происходит то же самое: когда говорят, что на событие действуют природные факторы, прежде всего механические силы, материальная составляющая каждого из этих факторов также подвергается влиянию и «зависит» уже от своих причин. «Действующее лицо внутри события» не может быть самостоятельным, потому что «Все знают, что ничего без причины не бывает, и у всего есть своя причина, которая не само это событие». Неминуемо возникает вопрос, аналогичный вопросу об «основании трех китов»: кто из этого сообщества материальных факторов определяет хоть что-то. Оказывается - никто. Если не впадать в абсурдный поиск «бесконечно далекой настоящей причины» запрос о влиянии не относится ни к какому из свойств наблюдаемой или описываемой стихии. Конструктивны в ней только частные факторы, которые не способны ничего «определить полностью» и быть той самой единственной «своей» причиной, зато ими можно пользоваться на практике.

Если же мы позволяем каждому объекту, понимаемому как событие, быть определяемым не только внешним, но и «собой», детерминизм как нечто «жесткое» и идеологически назидательное утрачивает смысл. Конструктивным аналогом достаточного условия события оказывается синергия внутренних и внешних факторов, соотношение которых не способно быть ригористичным, никто не измерял их меру соучастия в нём. Однако, если бы тактовая частота компьютера в данную минуту зависела только от происхождения полезных ископаемых, из которых он сделан, она не могла бы осуществляться.

Схема с исключаящими внешними причинами, примерно как у Джеггона Кима (об этом ниже), приводит к абсурду хуже чем модель мира с тремя китами, у нее есть, хоть и фантастическая, но осмысленная интерпретация, у детерминизма выбор невелик или стать пустым всеобщим условием, обещающим очень далекую, «самую подлинную причину», которая никогда не будет предъявлена, или стать бессмыслицей на уровне «круглого квадрата».

Детерминизм не содержит таких элементов, которые бы делали его тем странным «научным детерминизмом». Критика Юма менее всего должна была быть сенсационной, таковой она стала только из-за весьма специфических, идиосинкразийных свойств восприятия проблемы. «Учение» Юма гораздо более конструктивно, чем принято думать, потому что «научный детерминизм»

не только бессмыслен, но и избыточен, даже если бы он обладал каким-то смыслом. Юм - не скептик, а избавитель от иллюзий. Кант менее конструктивен, чем он, «трансцендентальное доказательство схемы причинности» - шаг назад в сторону ложного понимания и реставрация предрассудков.

Единственное уточнение: «привычка» в терминологии Юма намного сложнее, чем думают, у нее гораздо более долгое дыхание под водой, если считать водой способность неэмпирического решения. Достаточно указать на математическую физику, которой, впрочем, не нужна «трансцендентальная схема».

Почему же тогда «научный детерминизм» приобрёл тотальность, которую нельзя даже интерпретировать? Это дело историков, но представляются две основные причины: эмпирический фатализм и религиозные представления о судьбе. В функциональной идеологической части «теория детерминизма» не изощреннее, чем житейское представление о том же.

Глава 2

Почему «своей» причины не существует

2.1 Джегвон Ким

Джегвон Ким - наиболее принципиальный философ, отстаивающий физикалистскую научную позицию в восприятии сознания и в то же время учитывающий вызовы других подходов к проблеме ментальной каузальности. Он дал предельно строгую схему причинности, которой определено поведение человека. Разумеется, на добротном гипотетическом уровне.

«Рассуждение Кима основано на совмещении нескольких вполне правдоподобных принципов. Это три утверждения: Принцип каузальной исключительности (ПКИ), Принцип каузальной замкнутости физического мира (ПКЗ) и Принцип отсутствия систематической сверхдетерминации (ПОСС)». [Волков, 2018, СС.74-75]

Принцип каузальной исключительности утверждает, что причина события может быть только одна. Если b - причина события B , любая другая причина $c \neq b$ не может привести к B , кроме случаев сверхдетерминации. Сверхдетерминация обозначает такое положение вещей, когда событие может произойти от каждой из множества причин по отдельности, например, при расстреле человека отделением солдат каждая пуля - смертельна.

Принцип каузальной замкнутости (ПКЗ): «Каждое физическое событие в момент t имеет в качестве своей достаточной причины другое физическое событие в момент t ». [Волков, 2018, СС.74-75] Иными словами, все причины событий обязательно являются физическими, происходящими на уровне взаимодействия клеток, состоящих из атомов.

Принцип отсутствия систематической сверхдетерминации (ПОСС) отрицает такую детерминацию, если она не единичный случай. Постоянное сопро-

вождение причин «причинами-дублерами» эволюционно неправдоподобно, хотя бы потому, что достаточные эмпирические условия возникновения событий - *достаточны*, они не будут и даже не смогут ждать появления избыточной причины. Если условия обрушения потолка наступили, гипотетическое отсутствие «другой причины» его не удержит, события в живом организме работают также.

Сочетание этих трех принципов, по мысли Кима, создают серьезные проблемы для сторонников ментальной каузальности. Действительно, причина должна быть обязательно одна (ПКИ), физическая (ПКЗ) и постоянное сопровождение её в порядке детерминации какой-то ментальной причиной - невозможно.

Вполне очевидно, что в ПКИ, под причиной понимается общая совокупность факторов, приводящих к *B*. Определение весьма нетривиально. Если мы будем немного менять содержание *B* в рамках «тактики салями», до какого момента оно окажется «тем же самым событием с той же самой причиной», чтобы принцип не потерял смысл? Александра Трусова может прыгнуть четверной тулуп чисто, а может так, что у зрителей пробегут мурашки по спине. И это только интенциональный «пучок проблем».

ПКИ предполагает «идеальную пространственную сингулярность». Представим кипящую выгребную яму, где в каждой точке поверхности свои пузырьки и опарыши. Возникает вопрос, где «единственная причина» «события»? Если мы возьмем координатную привязку не более гипотетическую, чем сами эти три принципа, и начнем уменьшать объем «происходящего», этот процесс остановится не раньше, чем на некотором диаметре « $\varepsilon > 0$ », где ни пузырьков и ни опарышей. Очевидно, Ким рассматривал события в каком-то очень высоком, академическом и несуществующем изводе.

Чтобы избежать этой критики причину придется отождествить с совокупным окружением события (темпоральным антецедентом), но в этом случае выделение «именно этих причин», которые полностью исключают, в том числе сверхдетерминацию ментального», - не просто проблемно. Это практически неосуществимая и теоретически немоделируемая работа. В совокупном окружении события свободно и незамеченно поместится легион сверхдетерминаций, которые при *другом понимании* - необходимы, и другое нельзя отделить от «этого». Попытка выделения отдельных факторов *B* не позволяет назвать их причинами, то есть достаточными условиями *именно такого B*. Очевидно Ким находится в парадигме восприятия, где детерминизм воспринимается, как инвентарная перепись, и для каждого события есть «своя причина».

ПКЗ не менее проблемный. Его содержание либо пусто, либо заведомо не выполнимо. В первом случае никакие «нефизические» факторы не вмешиваются в каузальность, во втором - они имеют на неё влияние и по своей

функциональной роли из самой посылки (гипотезы) автора не могут не быть физическими, будь они хоть трижды какими-то еще, «ментальными» и т.п. Это очень странный принцип. Например «ментальное событие» c , имеющее нейрофизиологическую основу хотя бы в виде корреляции (с этим никто не спорит), доходит до момента времени t , когда начинает вмешиваться в физическое событие C , то есть с этого момента имеет фиксированное физическое действие. И что мы видим: до момента t событие c - не демонстрирует физической работы, но имеет физическую сторону, а после оно воплощается в свойствах C , которое без c было бы другим. Каузальная замкнутость во всех случаях оказывается идемпотентным оператором, она не наделяет ментальное, не претендующее на физическое действие, большей «физичностью» и не способна отнять последнюю у *действующего* ментального, которое сопровождает свою физиологию «на правах эпифеномена».

Если ПКИ и ПКЗ не действуют, ПОСС - идеологически бесполезен, потому что потребности в сверхдетерминации нет.

Ломкость этой концепции очевидна хотя бы из-за попытки рассматривать «ментальную причину» отдельно от физической без учета возможности их совпадения, которое полностью рушит выводы о невозможности детерминации физического «ментальным». Само по себе это не страшно, если ты анализируешь и описываешь, но Ким делает предельно генерализованный вывод, отчасти опираясь на гипотезу, то есть поступает, как поступали большинство философов, которые сначала усматривают «настоящую природу вещей» и потом выводят из нее всё остальное.

Но самое главное применительно к настоящей работе - это разновидность «табличного детерминизма», в котором «причина и следствие» на зубок знают свои роли и не делают ничего неположенного. А сам детерминизм оказывается своеобразной могущественной, но казенной стихией, работающей исключительно на заданную идеологию, где ни одно следствие не убежит от причины.

В целом Ким - методологический идеалист, и его теория нуждается в «строгом ментальном», которое на практике неосуществимое соломенное чучело.

Ким, очевидно, не допускал хорошей и опасной философии со стороны теории тождества, как полководец, который не караулит болото, через которое вряд ли кто будет наступать, поэтому оставил очевидные недоработки теории именно в этом месте.

2.2 Деструкция понятия причины

Причина невозможна без объекта, это значит: изолированная причина никогда не бывает достаточным условием. Думать противоположное - означает

допустить, что *один бильярдный шар может «ударить пустоту» и создать другой бильярдный шар на этом месте, именно так работает достаточное условие, ему ничего не нужно, кроме него самого*. Если внешняя причина - достаточное условие, ей не требуется и сам объект, на который она воздействует. Абсурд? Тогда причина события не только во внешних факторах, но и во внутренних, а сами эти внешние факторы, впрочем, как и внутренние, - по отдельности недостаточны для возникновения события. И назвать причиной можно только их объединенный комплекс.

Таким образом, причина оказывается весьма громоздким и трудно определяемым понятием. Ее практически невозможно привести к минимальному виду необходимого и достаточного условия. Обычно такое условие выделяется с опорой на контекст, например, чтобы станок работал, «необходимо и достаточно» нажать кнопку «Пуск». В определенном смысле так оно и есть: если станок исправен, не обесточен, в него заложено сырьё, чтобы работа началась, контур станка закрыт, чтобы исключить его запуск варварским способом, как при угоне автомобиля, при этих начальных условиях работа станка действительно начнется тогда и только тогда, когда будет нажата кнопка. Однако при определении причины в качестве *достаточного условия вообще* таких начальных условий никогда не бывает. Для природного события не существует кнопки «Пуск», которая бы вызывала его появление в абсолютном смысле. Чтобы выделить достаточное условие в него обязательно придется включить всё, без чего оно не может произойти, в том числе и «пассивный» объект воздействия внешних причин.

На методологическом уровне следует различать темпоральный антецедент события, то есть совокупное более раннее состояние окрестности универсума, которое привело к наступлению события, и собственно «причину». Например для соударения бильярдных шаров, материальный антецедент - сами сближающиеся шары вместе со всеми особенностями стола, сопротивлением воздуха и вообще всем, что влияет на их движение.

Оговорка о «методологическом уровне» - существенна, потому что о причине нельзя говорить всерьез. Причина - это не более чем операциональное описание некоторых выделенных факторов в данном контексте. Выражение «Ничего не бывает без причины» - бессмысленно вне контекста, потому что причина - это не более чем ситуационная характеристика, и для неё такая глубокая мысль - слишком торжественна. Следует говорить, что ничего не бывает без темпорального антецедента, но это наблюдение обыденно, по сути, это констатация того, что материальная составляющая события была материальной составляющей более ранней версии события. Она не способна быть идеологически назидательной в духе Сэма Харриса. Выделить в ней что-то, что отменяет что бы то ни было в «объекте воздействия», осуществимо только

в виде необоснованной декларации.

Возможна идея попытки топологически «классифицировать» «участки» темпорального antecedenta. Однако если мы станем брать какой-нибудь его «край», этот «край», вообще говоря, будет чем-то обусловлен в своей «окрестности». Для него слева и справа обнаружатся свои условия, для которых потребуется такая же работа во все стороны. Можно представить топологически изолированный antecedent, но тогда придется строить теорию причинности на уникальном и возможно не существующем примере.

Таким образом, «причина», которая полностью определяет «следствие», является его необходимым и достаточным условием, «полностью его определяет за несколько поколений и прямо от динозавров», - не просто не «всесильна», а никогда не существовала в природе. Это результат переноса бытового операционального представления в научный контекст. Практически все теоретики свободы строили свои теории на именно таком зыбучем песке ложного понимания детерминации.

Если бы вы захотели на спор создать теорию, которая бы воплощала почти полное игнорирование свойств причинности, вам не пришлось бы ничего изобретать. Это теория Кима с однозначной и уникальной причиной самого мелкого события. Ким формализовал и отчеканил предрассудок «своей причины» до строгой формулы и хрустального звона, и сделал это *недомыслие* центральной частью своей теории, а не тем, что можно спрятать от внезапно нагрянувших посетителей.

2.3 Детерминация свойствами и детерминация «участием»

2.3.1 Третий токен

Для объяснения «отдельного» от физиологии статуса ментального Ким в работе «Иллюзия нередуктивного материализма» вводит новый [Kim, 1989] принцип наследования дополнительно к основным трем принципам (исключительности, замкнутости и отсутствия сверхдетерминации): «Если функциональное свойство E реализовано в данном случае в силу того, что реализован один из его реализаторов Q, то причинные силы этого экземпляра E идентичны причинным силам этого экземпляра Q». [Kim, 2008, p.137]

Питер Алвард в работе «Являются ли функциональные свойства каузальными?» вскрыл критическую двусмысленность в этом построении. Возможны две интерпретации такого способа каузальной связи. Согласно первой интерпретации (носителей свойства), принцип наследования тривиален и не позволяет отличить причинную силу самого психического свойства от силы его фи-

зического носителя (что ведёт к тавтологии в духе «горшок – причина горшка»). Вторая интерпретация (токенов свойств) требует невозможного тождества ментальных и физических токенов, оставляя отношение наследования необъяснённым и требующим метафизически сомнительных допущений на стороне ментального. [Alward, 2006] Однако проблемы и проще, и глубже.

Будем для краткости называть нейрофизиологический процесс нейрофизиологией. Если эмерджентное свойство M что-то иное, чем нейрофизиология P , на которой он супервентен, тогда она может протекать и без него. Возникает вопрос, что на физиологическом уровне отличает ситуацию, когда есть и P , и M , от ситуации, когда P происходит, а M - нет, в порядке дифференциальной диагностики. Обозначим первую ситуацию как событие P , вторую как событие PM . С точки зрения законов физики, даже не физиологии, $PM \Leftrightarrow P$, иначе это будет запротоколированное эмпирическое противоречие. Возможны только два варианта: или M - событие с собственной физиологией, связанной с P , или M - другой способ манифестации P . И они относятся друг к другу, как данные термометра, показывающие температуру в котле, к его феноменологической *горячести*.

Есть и третий путь - изобретение для M новой онтологической основы, не «такой материальной», как у P , но пригодной для обсуждения в «философском дискурсе» и способной производить информационный шум. Вероятнее всего, это и есть аутентичный путь Кима, поскольку он не выделяет M и не редуцирует его к P . Тогда, если P^M - собственная физиология P , ситуация становится тривиальной как проявление физиологии P^M в виде феномена M . Поэтому возникает вопрос о невозможности сведения M уже к P^M , и для этой пары та же самая проблема вновь требует решения, организуя бесконечный регресс. Таким образом, Ким своим стихийным платонизмом возвращает проблему «третьего человека».

2.3.2 Два пасхальных яйца

Боль не может быть состоянием мозга? «Всего организма»? [Патнэм, 2000, с.158] Однако «весь организм» болит в определенном месте и перестает болеть «там», а не «вообще». Что касается самого аргумента множественной реализации боли, он не способен растождествить нервную ткань и психофизиологическое переживание.

Перед нами два абсолютно одинаковых на вид пасхальных яйца: одно куриное, второе - деревянное. Если взять их в руки и то не сразу поймешь по весу, где какое. Но критики теории тождества утверждают, что такого не может быть, потому что сухое дерево и содержание куриного яйца - абсолютно разные. Теперь куриное яйцо обязано быть сначала «яйцом вообще», а потом только становиться имеющим хрупкую скорлупу и мягкий наполнитель. Де-

ревянное сначала - тоже «яйцо вообще» и только потом деревянное. Вне своих свойств они абсолютно одинаковы, потому что имеют одинаковый вид. Уже по идеологическим причинам запрета на тождество официально они не тождественны себе и без свойств, и со свойствами, даже если возникли «одинаковыми» из-за случайного совпадения. Самое интересное: *они не тождественны себе, потому что тождественный друг другу.*

Скажут, яйца не одинаковые, например, по весу. А что по-разному реализованную боль удалось кому-то сравнить и дать определение «одной и той же боли»?

Во всех подобных аргументах спрятаны два понимания тождества при сравнении токенов у человека и марсианина, и *при сравнении психологического свойства у человека и физиологической основы этого же свойства у этого же человека.* Аргументы типа Безумца Льюиса [Lewis, 1966], который вместо гримас решает математические задачи, нежесткая атрибуция и т.п. хорошо растождествляют первую пару, но вообще не растождествляют вторую. Зеленый зеленого в данную минуту лука не зависит ни от какого модального статуса, она онтологична в своей мимолетности, в том числе зависимости от освещения и даже индивидуального восприятия (дальтонизм или не дальтонизм). Деревянное пасхальное яйцо - тождественно себе, куриное - тоже, будь они хоть трижды имеющими разную реализацию! Например, не марсианин, а гражданин Венеры обладает способностью видеть предметы без обложки и во всех индивидуальных особенностях, то есть для него чуть отличающиеся куриные яйца - просто разные предметы, как башмак и дорожный светофор. Другой «безумец» воспринимает вещи аналогичным способом после специальной инъекции, но это не значит, что куриное яйцо не принадлежит своему классу. Нетипичное поведение «во время боли» точно такой же единичный псевдоконтрпример.

А как же возможность коллизий использования в разных контекстах? Если бы влажность и текучесть воды зависела от способа ее рассматривать и «словоупотребления в разных ситуациях», мы бы не могли помыться при неправильной посадке в ванну. Не могли бы перейти дорогу, потому что автомобили и ехали, и не ехали бы на красный свет.

Наличие интроспекции не отменяет тождество сознания и мозга, как поэтические свойства заката на морском побережье не отменяют его оптическую природу, но это не значит, что есть два заката. Существующее здесь и сейчас *Это - Это* со всеми своими проявлениями.

Теория тождества не фальсифицируема, можно согласиться с Сёгором [Søgaard, 2024], но она не нуждается в фальсифицируемости по двум причинам:

1. предполагаемое ею тождество не предполагает изоморфизма, оно при-

мерно такое же, как изображения у «связки» монитора (с цветными бликами на мебели) и «железа» монитора;

2. в остальной теории, критикующие тождество не фальсифицируемы, а фальсифицированы экспериментально.

Можно без конца говорить, что облик пасхального яйца и яйцо - не одно и то же, и это на самом деле так, но это нисколько не опровергнет их тождество в следующем смысле: без пасхального яйца в комнате, мы не сможем его разбить и съесть или подарить кому-то не на словах деревянный сувенир. И другого тождества не требуется. В целом нельзя не согласиться с мнением Дэвида Армстронга о недоценке гибкости теории тождества [Армстронг, 2005].

2.3.3 Эпифеномен

Эпифеномен, которому *только кажется*, что он чем-то управляет, на самом деле этим управляет именно из-за своего совпадения с тем, *чего он эпифеномен*. Описание «настоящего управления» будет отличаться лишь неидеальностью и инерцией передачи, как у передаточного ремня, который прежде чем потянуть вал сначала натягивается. А если механизм идеален, он неотличим от результата своей работы. Эпифеномен не имеет влияния, значит, влияние не требуется, когерентность намерению реализована прямо в физиологии. «Том и Джерри» не обязаны заботиться о видеокарте.

Сам термин эпифеномен возник из-за идеологического растожествления внутри оппозиции свойство/носитель. В случае психофизической проблемы это след традиционного околорелигиозного восприятия «души и тела». Никакой объект не бывает «без свойств», которые попадают «в него» на правах эпифеномена, поэтому само понятие содержательно и методологически некорректно.

И как вы себе представляете практическую классификацию чего-либо в качестве эпифеномена? «Очень внимательное смотрим, фиксируем, что оно «не шевелится». Чтобы эпифеномен был эпифеноменом, он должен им не быть, иначе он окажется примерно как делимость на 3 у числа 6.

Эпифеномен возникает как интерпретация одного и того же разными способами. Понимание объекта исходит из предпосылки, что он всегда и во всех отношениях строго «такой». Это наивность, объект может быть другим в связи с другими разными объектами, и это не книжные, а природные отношения. Лампочка светит при замыкании участка электрической цепи. Человек обладает сознанием, когда в его теле жизненные процессы. Казалось бы, это очень далекая от материализма философия, но наиболее близко к пониманию природных отношений приблизились Мартин Хайдеггер и Морис Мерло-Понти

[Мерло-Понти, 1999]. В некотором смысле к этому пониманию близок и диалектический материализм, прежде всего Эвальд Ильенков с его теорией тождества бытия и мышления [Ильенков, 1964].

Ким видит в существовании ментального проблему сверхдетерминации или эпифеноменализма. Она уже потеряла остроту: мы не можем строго определить «то же самое событие» и его уникальную «действующую, необходимую и достаточную, причину», любой оттенок происходящего вносит новую постановку для её поиска, даже ментальный нюанс, будь он трижды «ни на что не влияющим».

Теперь речь о контрольном выстреле. Почему Ким решил, что физическое и ментальное не должны быть одним и тем же? Боль может иметь разную реализацию, но и пасхальное яйцо бывает и куриным, и деревянным, но одинаково раскрашенным, и не отличить? Редукционизм всегда воспринимается как тупое отождествление, обязательно «во имя науки» уничтожающее свойства редуцируемого. Однако возможна векторная редукция: самовар медный, пузатый и горячий, но это не значит, что его температуру необходимо привести к форме или меди. Критики тождества перепутали необходимое отождествление вещи и ее свойств, с одной стороны, и отождествление свойства вещи с похожим свойством у иного, чем эта вещь не является, с другой. В классическом примере это боль, которая может быть одинаковой (всегда гипотетически), но иначе организованной.

Посмотрите на вещи в вашей комнате, все их свойства можно описать исключительно как отдельные признаки, очень часто совпадающие с «такими же» признаками у совсем непохожих вещей. Наволочка в спальне способна быть такого же цвета, как небо сегодня. Почему сознание должно быть каким-то особенным? Мы не редуцируем фильм к электронно-лучевой трубке хотя бы потому, что его можно воспроизвести через проектор, монитор и свернутую в бобину киноплёнку. Однако уместно говорить о редукции «синтагмального» фильма к физическим процессам его воспроизведения, с которыми как физическое явление он полностью совпадает безо всяких эпифеноменов. Почему последователи Кима не ищут двойственную причину в кинопроекторе?

В способе мышления философов все еще не преодолены рудименты теории «субстанций и акциденций», когда вещь воспринимается как «сама», а остальное «не само». Связи вещей обладают не меньшей первичностью, чем сами вещи, более того, вещи не всегда, но часто представляют собой привилегированные ассоциации, и в этом не единственная, но очень важная миссия языка.

Сущее (Seiende) у Хайдеггера - это стихийная казенная рецепция связей, продиктованная академическим, но поверхностным способом восприятия, важнейшей версией которого является родо-видовая иерархия, она не всегда

неадекватна, но в большинстве случаев из-за своей «универсальной» применимости, которая «обязательна» даже там, где не нужна.

Сущее - это всего лишь номенклатура Бытия, лишенная смысловой органической составляющей. Хайдеггер более рационален в хорошем смысле, чем себе это представляют. Как это связано с нашей темой? Эпифеномен - это просто свойство вещи, возникающее как связь с другими вещами. Например, гигантской фуре не нужно иметь отдельный модуль тяжести, чтобы сломать деревянный мостик, заехав на него. Лампочка накаливания не содержит специальный светящийся флюид, чтобы светить, свет возникает из-за тока в вольфрамовой нити. Человеческому телу не требуется «второе тело» воплощающее сознание, достаточно, чтобы мозг обрабатывал информацию от пяти чувств и обеспечивал их единство. Скажут, это отрицание души. Однако душа по определению как раз бесплотна, тогда в чем обида?

Ментальное не обязано быть похожим на физическое точно так же, как свет не похож на лампочку и тепло на печь. И это не дуализм и даже не «дуализм свойств». Буквально не существует вещей, которые не имеют «ауру» в связи с другими вещами, похожую на душу. Вы не сможете придумать такую «совсем материальную вещь», которая оказалась бы иной. И тело, обладающее сознанием, - не исключение, просто по многим причинам, прежде всего религиозным, общеметодологическим - это очень трудный случай. Предмет неживой природы принято воспринимать как идеальную болванку, чьи свойства - не более чем результат перцептивного и культурного редактирования. А про животное или человека этого не скажешь, он обладает свойствами по природе, а не только по культурному назначению. На самом деле вещь и человек не настолько отличаются. Наоборот, вещь, лишенная «вторичных качеств», - результат культурного конструирования. Сложная вещь, такая, как телевизор - уже похожа на человека по своим природным, а не только социально приобретенным свойствам. Хайдеггеровское Бытие определено синергией многого. Разложившееся тело продолжает существовать, а не *быть*.

Поэтому не имеет смысла искать отдельный каузальный фактор сознания. Это как блеск стекла, отдельный от стекла. С другой стороны, мы управляем подручной частью материального мира как материальное единство, обладающее сознанием. Программируемый манипулятор грузит контейнеры, в нем нет отдельной «программной причины» и «отдельной материальной», числовой процессор с командами - тоже материален. Разработчик кода не разрабатывал отдельное действие для «руки» устройства и отдельное для управления ею в момент работы.

Сознание не совсем свойство человека, скорее, свойство человека в среде, в которой он живет. Оно не может возникнуть без окружения, и как долго человек без звуков, визуальных и тактильных образов останется собой? Сознание

- это сознание о чем-то. Гуссерль называл это интенциональностью [Гуссерль, 2001]: сознание направлено на предмет. Мне представляется такое определение грубым. Сознание может быть в данную минуту никуда не направленным, но *быть*. У этого свойства есть более фундаментальная общность, сознание - это связь с чем-то. В природе есть прямые аналоги, блеск стекла нуждается в солнечном свете, это интенциональность осколка. Многие вещи имеют свойства только в связи с другими вещами.

Скажут, сознание имеет особенный «ментальный» смысл, но ведь и связь не безмозгла, она тоже имеет смысл: осколок блестит на солнце. Скажут, оно субъективно, а вот здесь самое интересное, содержание мира, что в «объективной» редакции, что в «субъективной» ничем не отличается, даже квалиа и объективно, и «необъективно» только из-за своей мимолетности. Человек, испытывающий квалиа здесь и сейчас, не может его не испытывать точно так же, как осколок при попадании на него луча солнца не может не давать рефлекс. Никакого ментального нет, как нет отдельной субстанции для зеленого, электронного или атомного. Ментальное - это как ключ для замка, который, чтобы быть собой, должен быть, как минимум, продолговатым, а не «никаким» в рамках физических законов сохранения. Вопреки иллюзии о первичности «болванки», идентификации происходит по свойствам, а не по его «носителю», который без свойств вообще бы не был различим.

Легко доказать теорему об «изоморфной ответной части мира», соответствующей его восприятию. Сюжет теоремы такой, если кружка падает у края стола, она падает не только в мыслях, но и в реальном мире, иначе кружку было бы легко восстановить. Горячая конфорка электроплиты обжигает, если бы это был «только феномен», а в «мире вещей самих по себе» горячая конфорка не отличалась бы ничем от холодной, этим свойством можно бы было пользоваться при реализации «необжигающих конфорок». Все, что каким-то способом неподатливо и не подчиняется нашим желаниям, такое же и в реальном мире, вплоть до нюансов. Одним из таких нюансов является способность организованной материи создавать нашу мысль, при утрате этого мы исчезнем, вот цена «дополнительного» свойства!

Материя не может быть более бедной, чем сознание, иначе сознание окажется редактором свойств материи. Дуализм не только не требуется, он бесполезен, мир не менее богат, чем знание и мысли о нем.

Человек - материален, но он не материя, хотя бы из-за почти полной сменяемости вещества, из которого состоит тело в течение нескольких лет и «аномального» единства.

Вещество вещей тоже сменяемо. Прямо сейчас проведем мысленный эксперимент «Стол с метаболизмом» из очень мелких дощечек, они меняются с такой выверенной частотой, что стол за каждый период успевает стать/остается

вещью, рядом с которой происходили важные события, и не утрачивает свойство *familiar*.

Таким образом, эффект вещи и живого существа возникает из-за идентификации по свойствам и функционального единства. Идентификация по свойствам разрешает парадоксы тождества, ментальное не реплика своей материальной основы, оно, как изображение у телевизора, телевизор без изображения можно смотреть часами только ради «строгого физикализма».

Детерминирует не «участие», детерминируют свойства, в частности, форма и масса. Объект без свойств это анонимное действующее лицо, которого никто не видел, оно существует только в воображении. Поэтому вопрос каузальности проще, чем принято думать. У настоящего параграфа абсурдный заголовок «Детерминация свойствами и детерминация «участием», но абсурд был найден в «сущем сани».

Требуется уточнить: мысль — это не мышление, хотя мышление и проявляется в мысли. Мысль без мышления не обладает моторикой — точно так же, как свет на расстоянии от лампы не может быть источником *другого* света, а не того же самого в рассеянном или преломленном виде. Возникает на удивление точная аналогия: свет без источника может воздействовать на фотоэлемент, информация от только что умершего человека способна запустить войну.

Торгашин А.Ю. О невозможности онтологической несвободы // *Философия и культура*, 2012. №6. С.82-87

Глава 3

Детерминированная модель недетерминированной свободы

3.1 Достаточная ментальная причина

Рассмотрим ситуацию, когда несколько женщин узнают, что в семье случилось *нечто ужасное*, мужчин уберем для гендерной унификации. Не будем приводить подробности, пример служит для преодоления метафизической лжи о том, что «моральная ответственность - это предрассудок»; и в конечном итоге для того, чтобы таких событий стало как можно меньше!

При получении такой новости префронтальная кора головного мозга распознает значение слов. Как только новость идентифицируется как «страшная», запускается миндалевидное тело (амигдала) - центр обработки эмоций страха и тревоги. Распознавание угрозы длится миллисекунды.

От амигдалы сигнал поступает в гипоталамус, который является главным координатором. Он активирует симпатическую нервную систему — ту её часть, которая отвечает за мобилизацию. По нервным путям гипоталамус отправляет сигнал надпочечникам, которые выбрасывают в кровь адреналин и норадреналин.

Возникают следующие видимые эффекты: резко учащается биение сердца и повышается артериальное давление, дыхание становится частым и поверхностным, кровь отливает от кожи к мышцам, зрачки расширяются. За несколько мгновений организм приводится в состояние боевой готовности.

Согласно классическому обзору Брюса Мэкьюэна [McEwen, 2007], это — базовая, эволюционно закреплённая реакция на стресс, качественно одинаковая у всех людей.

Такие новости в разное время узнают миллионы женщин и описанную выше реакцию вызывает всего несколько слов. Самое интересное, это реальная

статистика, для которой существует количественная оценка, а именно вероятность другой физиологической картины *близка* к нулю. Теперь уберем из причинной цепочки вербальное получение новости. Какова вероятность того, что такая же физиологическая и поведенческая реакция возникала бы без понимания того, что происходит, то есть полностью *вегетативно*? Допустим, те же самые люди вдруг ни с того ни с сего побледнели, их зрачки расширились, они начали произносить слова, характерные для тех, кто попал в тяжелое положение. Вы скажете: это бред. Но именно это имеют в виду ученые, которые пытаются доказать, что ментальной причинности не существует, то есть отделы мозга и прочие системы вдруг «сами» изменяют свое состояние на описанное выше. Иная интерпретация невозможна, иначе это будет разновидностью «чтения мыслей», сбывшаяся беспричинная тревога, как в мистических историях. Ментальная причинность может быть полностью детерминированной, рассмотрим это ниже, но она есть и не устранима без превращения смысла в абсурд, да еще в жизненно важных ситуациях, о которых не шутят.

Рассмотрим еще такой мысленный эксперимент, заключающийся в вопросе: можно ли пробежать круг стадиона с преодолением барьеров с завязанными глазами? Если ментальной каузальности нет, абсолютно все равно, видит ли спортсмен барьеры или не видит. Нейроны те же, они ведут себя точно так же, потому что ментальное - эпифеномен, «который ни на что не влияет». И даже иные способы узнать, где находятся барьеры, не имеют к успеху спортсмена никакого отношения, он может быть слепым и глухим, потому что его знание и сознательная реакция, по условию, в процессе не участвуют.

Задачу можно усилить. Пусть это криминальное шоу наподобие «Игры в кальмара», где каждый участник решает сложную математическую задачу, и от ее решения зависит пройдет он дальше или окажется на грани смертельного риска. Будет ли следующий этап зависеть от ментального фактора или нам по-прежнему станут говорить, что все происходит только на уровне обмена импульсами?

Это не самые изощренные аргументы, даже примитивные в своей достаточности, в меру изощренности тех, кто отрицает клинический факт ментальной причинности.

Могут сказать, что эти соображения не относятся к трем принципам Кима. Относятся и фальсифицируют принцип исключения: в нашем примере стресс или нужная поведенческая реакция запускается общим смысловым инвариантом математической задачи, никакого отдельного импульса нейрона, который бы мог её решить нет. Три принципа представляют собой не более чем фантазийную «детализацию» физиологии, а в этом разделе речь идет о фактах.

Почему такие нарративы вообще возникают? Потому что, отрицая ментальное, ученые оставляют его в своем мышлении и созданных ими текстах в

виде сопутствующего «бесплатного условия». Наши аргументы представляют собой его планомерную и тотальную зачистку, «избавление от ненужного», и тогда в головах неминуемо возникают «слепые и глухие бегуны безошибочно преодолевающие барьеры». Многие теоретики по-настоящему не понимают, что произойдет, если их собственные аргументы окажутся истинными, *в том числе с их же собственными аргументами*. В этом месте я испытал дежавю: крайние математические интуиционисты отрицают существование бесконечности, но что произойдет с их пониманием математики, если «ненужная» бесконечность правда исчезнет у них в головах как понятие и смысл?

3.2 Критика Стросона

В предыдущих разделах было показано, что «отменяющая детерминация со стороны внешних причин» не имеет смысла. Во-первых, сосредоточение «всего» влияния «в одном месте» просто элиминирует «виктимную инстанцию», делает «решающую инстанцию» единственной, в конечном итоге отсутствие автономии не имеет даже структурной реализации. Во-вторых, если ощущение свободы - не более чем эпифеномен, он полностью совпадает с определяющей его физиологией, то есть возникает гармоничная пара свобода и ее нейрофизиологический механизм.

Однако Гален Стросон выдвинул новое понимание («старое», только что описанное нами, у него под цифрой i):

«Здесь, однако, «самоопределение» будет использоваться иначе: согласно которому

(ii) человек является истинно самоопределяющимся в своих поступках, только если он истинно самоопределён, и он истинно самоопределён тогда и только тогда, когда он так или иначе определил, каков он есть, таким образом, что он не несёт истинную ответственность за то, каков он есть». [Strawson, 2010, p.21-22]

«Нельзя в конечном счёте выбрать своё психологическое состояние; мы не можем этого описать. Дело не просто в том, что мы не знаем как, а в том, что мы знаем, что не можем. Даже Бог не мог бы быть истинно самоопределяющимся в отношении своих мотивов для действия; и, следовательно, не мог бы быть истинно ответственен за то, что он сделал, каким-либо окончательным образом». [Strawson, 2010, p.49]

Иначе и более кратко: «Пусть человек действительно выбирает направление своих действий, но он не выбирал свой характер, свои наклонности и вкусы, - одним словом, не выбирал, каким ему быть».

Идеальное решение проблемы свободы может быть только таким: «когда-то» до его рождения человеку показывают перспективы его развития по аль-

тернативным сценариям, и он в здравом уме и твердой памяти решает стать ученым или убийцей, или замученной домохозяйкой, или алкоголиком и т.д. Примерно как в сказочном американо-советском мюзикле «Синяя птица» по Метерлинку, где еще не родившиеся дети мастерят свои будущие дела. Этот тип деструктивного детерминизма всё еще жив, даже если прочие его побратимы в мусорной яме.

Здесь возможна весьма слабая критика стросоновской позиции: даже если мы не выбираем, кто мы есть, и агент сформирован внешними неконтролируемыми им факторами, и другие разновидности «детерминизма» оказались бессмыслицей, - что полностью соответствует реальному положению вещей, - тогда механизм выбора у такого агента все-таки реальный. Слабая, потому что не может остановить поток новых спекуляций также эффективно, как демонстрация недомыслия, верящих во «внешнюю причину».

Компатибилисты, например Фишер [Fisher, 1998], говорят, что несмотря на предопределенность выбора убийца убивает, потому что он *такой* и за это должен ответить. Сторонники индетерминистской версии свободы пытаются определить механизм выбора, не зависящий от моральной и общей психологической конституции человека, «абсолютно спонтанный», но здесь возникает эффект «дырявой удачи», когда содержание выбора, будучи полностью спонтанным, оказывается не гарантированными ничем, в том числе намерениями агента, которые мотивированы и, таким образом, *определены* [Секацкая, 2017].

Мое решение на этот раз полностью позитивно. Ниже будет дана модель физически детерминированного выбора, который в моральном аспекте определен исключительно агентом.

3.3 Почему фатализм не противоречит свободе

Фатализм для человеческого уха звучит угрожающе. Однако это всего лишь мнение о том, что происходящее в будущем - действительно происходящее в будущем, то есть разновидность самой примитивной тавтологии. Здесь возникает некоторая подмена понятий. Статус «Обязательно произойдет то, что именно произойдет» не означает, что происходящее будет именно таким, как взбрело в голову идеологическому «пользователю фатализмом». Говорят «К чему эти разговоры о свободе, если всё предначертано?». Обычно в этом месте дополнительно восклицают «Но ведь свободы воли нет»! На вопрос, почему ее нет, отвечают «Так ведь всё предопределено причинами», не обращая внимание на порочный круг: мы не можем изменить происходящее, потому что «свободы воли нет», и «свободы воли нет», потому что мы «не можем изменить происходящее».

Александр Карпенко, анализируя высказывания о предстоящем морском

сражении у Аристотеля, в докторской диссертации и монографии в целом не приходит к простому интуитивному решению, которое преодолевало бы фатализм; вместо этого вводится сложное определение истинностного значения [Карпенко, 2008, СС.180-188]. Но всегда ли предопределенное отменяет свободу?

Например, мать, спасающая своего ребенка, который по детской беспечности выскочил на проезжую часть, - жестко детерминирована любовью к нему. Если её без спроса сделают «свободной», то есть равнодушной в такой ситуации, и ребенок погибнет от недостатка усилий с её стороны, задним числом она захочет уничтожить того, кто решил стать Прометеем. Сотрудник в конце рабочего дня детерминирован желанием уйти домой, и это манифестация его свободы. Любитель выпить, даже не алкоголик, при наличии денег обязательно пойдет в магазин за выпивкой, это можно предугадать за неделю: давайте избавим его от этой «несвободы» и послушаем, что он скажет.

Допустим Джон = a не зависит от факторов b, c, d и контролируемо зависит от факторов e, f, g . Иными словами, b, c, d - нечто происходящее за стенкой его офиса и никак не влияющее ни на работу, ни на жизнь. А e - это его рабочий график, f - обязанности с ребенком (проводить в школу, встретить, родительские собрания), g - потребность в том или ином виде болеть за петербургский футбольный Зенит. Понятно, что Джон не во всем детерминирован факторами b, c, d, e, f, g ; - у него есть свободное время, и даже в рамках этих обязанностей заняться младшим ребенком можно попросить жену или старшую дочь, а футбольный матч иногда проигнорировать. Но в общей картине фатализма все факторы и агенты $\{a, b, c, d, e, f, g\}$ предопределены. И с этим не поспоришь! Вспомним, что элемент a - это Джон, и при указании на эту предопределенность забывают, что часть ее определена им самим. То есть по чисто интерпретационным причинам агент, обладающий «свободой воли», поддается совершенно корректному описанию как полностью детерминированный и фатально предопределенный элемент. Таким образом, фатализм возникает как эффект экспозиции, вне зависимости от содержания отношений детерминации.

У Джона есть коллега Дэвид. Они не то что враги, но и не друзья. Последнее замечание существенно. Действия Дэвида для Джона и действия Джона для Дэвида - предопределены, хотя действия Джона для Джона и Дэвида для Дэвида - нет. При этом действия Дэвида и Джона предопределены в общем описании «всеобщей детерминированности» и «всеобщей предопределенности». Таким образом, предопределенность - характеристика не постоянная и зависит от функционального ракурса, который может быть твоим личным, чужим личным и общим. При пессимистической констатации фатальности происходящего всегда используется общий ракурс. Как и в случае с уже преодолен-

ным «научным детерминизмом» дальше никто не анализирует, вместо этого авторы начинают издеваться над «наивными», которые верят в свободу.

Это место важно понять, потому что тяжесть понимания фатализма целиком сосредоточена на различении точки обзора. «Всё предопределено» говорится в таком же смысле, в каком говорят «они дрались» о группе, участвующей в драке, несмотря на то, что некоторые из этой группы пытались прекратить драку, кого-то били без попытки сопротивления.

Моя родная тетка, Анна Николаевна, любила гадать на картах женщинам, и у нее была стихийная методика: она выкладывала на «платок с бахромой по краям» всю колоду, в которой была пиковая десятка, «нечаянный интерес». По ею придуманным или у кого-то позаимствованным правилам гадания, «нечаянный интерес» нейтрализует все «черные карты»: и «досаду» (девятка пик), и «злодейку» (пиковая дама), и «слёзы» (такая же семерка) и т.п.; если раскладывается вся колода «нечаянный интерес» обязательно «придёт», и результат гадания всегда будет положительным. Женщинам очень нравилось.

Когда я начал разбирать аргументацию фаталистов от науки, я сразу вспомнил Анну Николаевну. Всеобщая предопределенность действует как «нечаянный интерес», она обнуляет любое описание элемента или фактора, которые незаменимы для оценки свободы или детерминированности чего-то конкретного; результат такого «гадания» тоже всегда одинаков. В описании детерминированных ситуаций важно знать, что и чем детерминировано и не детерминировано, иначе зачем вообще заниматься этой темой? Именно поэтому фатализм в рамках решения рассматриваемой проблемы не только бесполезен, но даже бессмыслен, он менее всего подходит для оценки свободы, но был изобретен как раз для этого. Даже осмысленное всеобщее не годится для описания частных случаев, с помощью одного земного тяготения невозможно описать падение конкретного камня, если мы не знаем его начальные данные, массу и участие других сил. Именно это пытаются сделать фаталисты, «предсказывая нашу судьбу». С другой стороны, полная предопределенность того, как мы поступим, никак не оценивает, свободны мы или нет.

Коротко: **это произошло, потому что мы свободны**, ровно **это же произошло, потому что мы не свободны**, и причем здесь фатализм? Фатализм напоминает мальчика, который хочет помочь мужчинам нести тяжелый шкаф, но не дотягивается до него.

3.4 Функциональная одновременность

Определение 3.1. Назовем буквальное в посекундной или более точной оценке одновременное возникновение двух или более событий арифметической одновременностью.

Назовем возникновение двух событий A и B на временном промежутке T функционально одновременным, если точное время их наступления в рамках T - не принципиально.

Следует обратить внимание, что функциональная одновременность уже используется для определения арифметической одновременности и это неспроста: идеальной арифметической одновременности не бывает, она неопределима без допустимой точности, которая функциональна по своей природе, поскольку вынуждена ориентироваться неважно на теоретическую или практическую, но всегда «субъективную» оценку того, что можно и что нельзя считать происходящим «в одно время».

Функциональная одновременность - это функциональное безразличие, в какой темпоральной точке $t \in T$ именно произойдут два события на отрезке времени T , и её достаточно для построения примера нефатального.

Заметим, что в практическом восприятии реальности «мгновение» никогда не бывает мгновением, оно всегда некоторый промежуток, и промежуток из определения 3.1 структурно ничем не отличается от такого, где произошедшее нельзя исправить из-за его «молниеносности».

Функциональная одновременность не всегда требует одновременности арифметической. Например, как в ситуации, когда кто-то должен делать два дела в один момент, и нельзя раздвоиться. Держать собаку, чтобы не сбежала, и обрабатывать рану на ее лапе. Однако участие двоих вместо одного создает одну из реализаций функциональной одновременности.

Безусловно, есть нереализуемые потребности в совмещении двух событий, например, отдохнуть прямо сейчас и закончить проект; - это первое, что пришло в голову! Однако мы не опровергаем существование таких ситуаций, а просто описываем другие ситуации в качестве контрпримера.

В дидактических целях возьмем самый беспроblemный смысл. Например, нам нужно в течение восьми часов написать и отправить письмо по электронной почте и написать небольшой рутинный скрипт. Мы можем сначала отработать с письмом, а потом - составить и отладить код. Да, иногда скрипт может быть слишком сложным и большим для 8 часов. Однако мы не пытаемся доказать, что таких ситуаций не бывает, у нас по условию очень легкая задача. Для существования черного лебедя белые лебеди не обязаны быть черными, и черный лебедь не обязан не быть маленьким и невзрачным, ему достаточно быть просто лебедем и просто черным.

Ради чистоты определения, по условию, мы можем сколько угодно запускать скрипт для проверки, а не только один раз. И даже иметь право на ошибку и при написании письма, и при составлении кода.

Таких ситуаций очень много, практически это все ситуации, когда мы делаем что-то одновременно по нашей собственной оценке. Несвобода это дефицит

не арифметической, а как раз функциональной одновременности, не спортивное «сделать в одно и то же время», а простая возможность сделать два дела, чтобы они друг другу не мешали. Арифметическая одновременность не добавляет новых условий: есть дела, для которых и год - мало. При постановке задач речь всегда о функциональном определении. Функциональная одновременность достаточна для пользования ею как одновременностью.

Существует метрика времени принятия решения, поэтому некоторые решения могут быть абсолютно свободными. Мы можем отправить письмо и в 14, и в 15, и в 16 часов и т.д. в пределах дедлайна, и в любой момент между ними. Можем сначала написать скрипт, а потом отправить письмо, а можем сделать наоборот.

Скажут «Что это за преодоление фатальности. О, какое примитивное и обыденное!» Теперь вспомним, что того всеильного детерминизма уже нет, новое даже не просто способно возникать, а, скорее, неспособно не возникать, физиология не противоречит возможности свободы. И, в конечном итоге, «невозможность исправить» - последний гвоздь, на котором держится рассматриваемая идеология. Если лепреконским золотом можно расплатиться, и все получившие его не в накладе, оно ничем не отличается от настоящего. Тем более прямо сейчас мы узнаем, что оно не лепреконское.

3.5 Модель

Человек может принимать решение в результате испуга, например, отдернув руку от утюга, за край которого нечаянно схватился, и в результате других мгновенно открывшихся обстоятельств, изменение которых нельзя упустить. Например, охотник, неожиданно увидевший дичь в просвете веток, или футболист, который понял, что если немедленно вкатить мяч в зону справа, команда соперника будет «обрезана», и кто-то выйдет к воротам один на один. Обычно, когда говорят о «свободе воли», исключительно имеют в виду только такие обстоятельства. Есть агент, он управляет разнообразными импульсами, которые действуют на него, как на куклу из театра Образцова.

Стандартное описание: мое действие детерминировано моими мотивами, а мотивы — моим прошлым, я едва осознаю, «почему сделал». И это корректная дескрипция части моего поведения. Но так бывает не всегда. Иногда человек осознает свой мотив не в один момент, ему приходится разгадывать и *тащить* в область понимания то, что якобы его детерминирует, как марионетку. В рамках выбора агент решает задачу, а тот, кто решает задачу не может не быть свободным, иначе это автоматическое решение без его участия. Задачи бывают очень сложными, нужно ли перечислять их разновидности? Согласитесь, это странная марионетка, которая управляет своими нитями. Если эту зада-

чу решают нейроны, «а не я», почему для ее решения требуется мое участие, иногда очень большое усилие? Например, следователь по уголовным делам при поимке серийного убийцы, действующего нон-стоп, иногда работает в состоянии хронической нехватки сна, а в критические моменты люди не спят сутками.

Обычное опровержение примерно по такому шаблону «Это всего лишь твои нейроны, тебе только кажется, что это ты» уже не работает. Пусть нейроны, тогда все равно я совпадаю с процессами, которые решают трудную задачу. Это то же самое псевдонесовпадение Джона с его желанием, в данном случае исполнять свои служебные обязанности. Уже нельзя сказать «Чувство свободы - это иллюзия». Иллюзия чего? Того, что происходит на самом деле?

Решение задачи определяется вкусами и пристрастием, детерминисты могут сказать, что все это определено на «уровне битов», но механизм реализации проходит через интеллектуальную систему человека, и детерминизм вынужден обращаться к его реальной компетенции и ждать ее ответа. Иначе возникнут ничего не чувствующие и не ошибающиеся бегуны через препятствия.

Но даже после всего перечисленного, Стросон может сказать «Однако то, как человек решает ребус, заложено в его психофизической конституции, которая создана не им». С этим следует согласиться. Теперь самое интересное. Чтобы быть свободными нам нужно до конца проверить альтернативные исходы нашего поведения, как у Метерлинка «с коробками добрых и злых дел». Грубо говоря, знать как это промолчать на собрании и как это не промолчать. Бросить девушку и не бросить девушку. Быть подлецом и не быть подлецом. Быть дураком и быть умным. Когда нам говорят, что мы не способны жить по двум альтернативным сценариям жизни, не обращают внимание, что это не события, а свойства событий, которые разворачиваются в пределах жизни **без дедлайна**. Точнее, без единого дедлайна, относящегося к опыту в целом. Во многих ситуациях мы были, но для понимания ситуации в ней не обязательно быть физически. С точки зрения прироста опыта, эти новые знания, вообще говоря, оказываются в условиях функциональной одновременности. Практически нет мотивов, которые бы относились лишь к указанному времени и содержательно не относились к другим отрезкам жизни.

Исключением может быть какая-то уникальная деятельность, как у разведчика во время войны или у хирурга, разрабатывающего никогда не применявшийся метод операции. То есть огромный пласт нашего поведения основан на знании типовых альтернативных событий, которые мы знаем, словно сочинили этот мир. В приобретении такого знания не только нет значительных препятствий, скорее, жизнь вынуждает его приобретать.

Теперь, обратим внимание, как работают когнитивные способности челове-

ка. Он может, разглядывая чертеж, очень быстро понять устройство торгового центра размером с квартал. Ему не нужно садиться в вертолет и облетать здание метр за метром, не требуется ходить по коридорам и бесконечно запоминать размеры помещений, повороты налево и направо. Когда говорят о невозможности альтернативного имеют в виду именно такое: человек должен «набить морду начальнику», чтобы воздержаться от этого, и *чтобы* философы сказали «Да, теперь он поступил свободно, потому что попробовал и так, и так, изобразил квантовую неоднозначность». Человек - это тот, кто воспринимает мир в свернутом виде, словно этот вид развернутый. Так работает не «большинство», а практически все когнитивные способности.

Если бы даже мы были обязаны для свободного решения, побывать в двух альтернативных исходах, чтобы их осуществить, нам понадобился бы огромный массив свернутого опыта, не относящегося к их альтернативности. Тот, кто преступно молчит на совещании и кто героически защищает правду, - пусть это будет проектная организация, а цена вопроса - строительство моста по опасному проекту, - используют один и тот же жизненный опыт. Почему, если всё, кроме альтернативности, бывает свернутым, сама альтернативность должна быть в реальном масштабе времени?

Даже, если человек буквально пережил два альтернативных исхода, он воспринимает их в виде свернутой информации. Другое технически невозможно, и не требуется. «Не выйти за пределы возможного опыта» - не значит утонуть в этом опыте, чтобы как раз этот опыт не различать, это примерно как: «Лицом к лицу лица не увидать».

Человек не может быть свободнее понимания альтернативных решений, иначе он окажется умнее самого себя. Однако здесь возможно творчество, способность понимать ситуации, в которых никогда не был, как вообще при решении творческих задач.

Обязательно скажут: «Хорошо, пусть человек знает альтернативные возможности, словно он в в них побывал, но он выбирает, какую из альтернатив выбрать». И это действительно так. Однако, в моральном поступке его выбор происходит на фоне глубокого и осознанного понимания того, что он делает, когда выбором буквально оказывается сам выбор. Обратите внимание, что на фоне эмоционального равнодушия рациональное решение - *теперь* рационально в экзистенциальном смысле.

Возьмем два убийства. В первом случае человек убивает преступника, который угрожает его семье. Второй убийца убил, потому что, встретив случайного прохожего, вспомнил, что в какой-то книге понравившийся персонаж так делал. Никакого принуждения и даже неодолимого желания, просто минутная потребность, наподобие той, когда мы или берем салфетку, чтобы вытереться, или лезем в карман за носовым платком. С точки зрения теории

на тему, что не мы сами себя выбираем, это абсолютно одинаковые убийства. Однако невозможность выбрать не соответствует действительности. Как было показано выше на примере разгадки ребуса или бегунов с препятствиями часть наших решений не может осуществиться без нашего усилия. Убийца «по приколу» (из хулиганских побуждений) нередко делает значительную нетривиальную работу, чтобы его осуществить. Если мы скажем, что он не мог поступить иначе, это будет похоже на адвокатскую ложь.

И его выбор на самом деле глубже. Тот, кто убил, убил не один раз, даже если один раз в реальности. Он приобрел этот навык множеством убийств в проекте.

Наконец, любое целое становится собой в момент и при осуществлении последнего условия. Как бы ни был детерминирован компьютер, он не станет компьютером до монтажа последней необходимой детали, эта деталь не станет собой, не имея в себе более мелкого компонента. Почему тогда человек, существо гораздо более сложное, чем компьютер, должен быть собой заранее, едва ли не с доисторических предков? Почему моральное состояние человека должно быть иным, а не в связи с тем, что произошло, когда большинство контекстных (гилеморфных) свойств именно таковы?

Если все поступки человека зависят, от обезличенных внешних факторов, содержание вины буквально не имеет смысла, но это очевидно не так. Противоположная точка зрения - контринтуитивна и возникла только из псевдонаучного убеждения об «отсутствии свободы» из-за существования внешних причин, которое на протяжении XX века использовали как «доказанный факт». Перед нами яркий пример выученного предрассудка, который используется как аргумент в защиту нового предрассудка, даже если повод для возникновения первого из них уже исчерпан.

Можно согласиться, что мы детерминированы. Даже если мы знаем обе альтернативы до дна, все равно вынуждены выбирать одну из альтернатив. Здесь проявляется то, какие мы на самом деле. А это и есть предмет вины с любой точки зрения. Иначе поступки будут совершать переключатели сценариев или накопители информации. Другой моральной ответственности не бывает даже в идеале.

И на самом деле человек может хотеть хотеть и хотеть не хотеть. Например, он учится танцам, чтобы с удовольствием танцевать. И в клуб анонимных алкоголиков записываются буквально, чтобы не хотеть.

Глава 4

Недетерминированный детерминированный выбор

4.1 Теоремы Тарского и Гёделя

В предыдущем параграфе мы построили *достаточно* недетерминированную смысловую модель детерминированной свободы. В этом речь пойдет исключительно о выборе, и будет показано, что он не может быть достаточно детерминированным чем бы то ни было, кроме агента, будь это хоть «древние причины», хоть современный внешний фактор в случае, если этот фактор совместим со свободным решением в эмпирическом смысле, - агент не под наркотиками, не в состоянии обмана, не после специальной операции, превращающей его в марионетку.

Теорема Гёделя о неполноте в гуманитарных дискурсах очень напоминает призрак: все о ней говорят, но мало кто знает, как устроено ее доказательство. Здесь будет дано сжатое и точное понимание.

Полнота формальной теории означает, что любое истинное утверждение о предметной области может быть доказано средствами этой теории, а любое ложное — опровергнуто. Иными словами, в полной теории нет «серой зоны»: для каждого осмысленного предложения рано или поздно будет найден однозначный вердикт — истинно оно или ложно.

Рассмотрим множество наук и практических методик $E_i \in E$, $i \in \mathbb{N}$ с любой количественной характеристикой. Вместе будем называть их «теориями». Возьмем одну из теорий E_i с количественной характеристикой k и ее масштабом l . Нам достаточно одной «теории», ее свойства инвариантны для всех остальных, потому что они подпадают под одно определение. Это как для свойств равнобедренного треугольника не нужно разглядывать «все треугольники в мире».

Масштаб - очень интересный параметр. Его невозможно задать в самой теории, потому что он неизбежно ссылается на природу, которую нельзя выразить в формуле. Существование таких свойств еще зафиксировал Чарлз Сандерс Пирс под именем «первичность» [Пирс, 2000, СС.123-126]/

Возьмем в качестве аксиомы то, что для любой количественной характеристики можно брать любой масштаб. Противоположное - абсурдно как запрет на линейки с разной ценой деления. Чтобы избежать модального контекста, будем понимать под возможностью выбора другого масштаба в n раз большего, чем существующий, просто в n раз меньшую цену деления.

Теорема 4.1. *Не существует общей валидационной формулы $VE_i(k)$ теории E_i , которая бы определяла «правильный» выбор параметра l , определяющего масштаб количественной характеристики k .*

Доказательство. Пусть такая формула $VE_i(k)$ есть, тогда для теории возможен только один конкретный масштаб, но это противоречит принятому за аксиому и влечет за собой бессмыслицу.

□

Таким образом, масштаб ни одной количественной характеристики нельзя установить средствами теории, и все теории с количественными характеристиками в виде формального описания - неполны. Это еще не всё. Из-за повсеместной разрешимости уравнений вида $a * x = b$ количественная характеристика k при любом значении может быть выражена любым числом. Если их несколько и они связаны нелинейными отношениями, переход от одних масштабов к другим, - для каждой количественной характеристики они независимы, - изменит массив данных до полной неузнаваемости. Короче говоря, без параметров масштаба это будет бессмысленный набор чисел.

Это исключительно несложная, с прозрачным доказательством теорема осуществима, благодаря природе масштаба. И для теорий первого порядка, имеющих количественную характеристику, уже она играет роль теоремы Геделя о неполноте без всяких оговорок.

Как быть с теориями без количественных характеристик? Например, различными логиками или алгебрами. Нас интересуют как раз они, потому что описание «детерминации свободного агента» как раз такое. Для них тоже есть своя теорема.

Никто не будет, точнее, не сможет спорить, что теорию можно записать разными способами. Например, разными символами алфавита и расположить их любым способом. Никто не запрещает считывать первый символ теории не с первого, а с 258 места, второй с 54 места и далее по установленной схеме. Речь не о том, что это рационально, а просто технически осуществимо. Запись можно разбавить шумом, например, фрагментами из «Гарри Поттера», и дать

способ преодоления этого шума. Для прочтения такой записи требуется методика, которая непригодна для другой записи, - неважно, как она записана, столь же экстравагантно или просто.

На этот раз примем за аксиому, что теория может быть записана любым способом. Записью будем считать ее семантически достаточное изложение. Оно всегда есть, потому что теория осмысленна и является или частью науки, или частью практического метода.

Пронумеруем все методики прочтения *записей* теории E_i и обозначим их номера тем же символом l .

Теорема 4.2. *Не существует общей валидационной формулы VE_i теории E_i , которая бы определяла «правильный» выбор методики прочтения l .*

Доказательство. Пусть такая формула VE_i есть, тогда теория E_i не может быть записана и прочитана по другой методике, что противоречит принятому за аксиому и неминуемо влечет абсурд, потому что E_i может быть выражена символами, которые неизвестны ни одной из существующих методик. □

Проще говоря, отрицание теоремы 4.2 претендует на знание, что любая такая угодна запись теории - *это она*. Может возникнуть вопрос, а нельзя ли извлечь это знание из «структуры» с помощью какой-нибудь эвристики, как при взломе шифра?

Рассмотрим теорию T_π всего с одним предложением $t = \pi$, чтобы оно не было распознано, достаточно взять неизвестные идентификаторы для t , равенства и π . А нельзя ли понять, что это $t = \pi$ по виду строки? Тогда любой алгоритм интерпретации будет реагировать на всё, что «похоже» на $t = \pi$, в том числе даже на $t = e$.

Это не ситуация шифра. Абсолютную устойчивость записи создает то, что синтаксис не знает, «что у семантики на уме». Помните детский вопрос «Отгадай, что у меня в руке». Для синтаксиса это приемлемая задача, потому что он решил обойтись без семантики и чего бы то ни было, кроме «себя». Семантику это не дисквалифицирует, а уклонение от такой задачи синтаксис дисквалифицирует полностью, потому что он не может однозначно выразить то, что должен по роду своих обязанностей и по декларации строгого формализма.

Таким образом, никакая формальная система не может быть организована без внесения принципиально неформализуемой составляющей.

Определение 4.1. *Назовем параметр l , однозначно определяющий, интерпретацию теории остенсивным параметром.*

Мы только что доказали, что остенсивный параметр нельзя задать формально и без него теория, как минимум, неполна. Это и есть теорема Геделя о неполноте.

Полностью формализованный вариант этих теорем можно прочесть в статье «Конструктивное доказательство теорем Тарского и Геделя». [Torgashin, 2026]

Определение 4.2. *Назовем формальную систему E синтаксически замкнутой, если в ней определены все остенсивные параметры. В противном случае назовем E синтаксически открытой.*

Существует также класс синтаксически замкнутых и синтаксически открытых задач, они соответственно не требуют или требуют для своего решения определить остенсивный параметр. Задача замкнуть синтаксически определенную формальную систему - синтаксически открытая. Формальная система не может замкнуть себя самостоятельно. Попытка замыкания, то есть предложение о том, как не должно быть, приводит к противоречию. Например, у Геделя это отрицание формулы, которая определяет принадлежность всех формул к теории.

Почему я не назвал эти задачи просто интерпретированными и неинтерпретированными? Потому что такое определение - не формальное и исторически двусмысленное, в него попадают теории, которые замкнуты «очевидной демонстрацией», но не способные определить себя из синтаксиса.

4.2 *Возможность* возможности

В настоящее время даже в некритическом восприятии детерминизм - нефальсифицируемая теория. Она не имеет однозначных терминов, в том числе понятие «причины» определяется в зависимости от точки зрения. Достаточно обратиться к наследию Марио Бунге [Бунге, 1962]. Другой крупнейший специалист по детерминизму определяет детерминированное как то, что следует из свойств динамической модели [Earman, 1986, pp. 4-22], то есть одноименное слово в контексте проблемы «свободы воли» - это всего лишь вольная метафора.

Демон Лапласа невозможен уже в классическом мире по чисто формальным *причинам*. Такова историческая ирония.

Под **Демоном Лапласа** в классической физике понимается гипотетическое существо, обладающее следующими способностями:

1. Знание положения и скорости всех частиц Вселенной в некоторый момент времени t_0 с абсолютной точностью.

2. Знание всех законов природы (уравнений движения, взаимодействий).
3. Неограниченная вычислительная мощность для прогнозирования состояния Вселенной в любой момент времени $t > t_0$.

Дадим формальную характеристику этого понятия [Лаплас, 2011, с.9] в терминах теории моделей и вычислимости.

Определение 1 (Лапласовское знание). Пусть $\mathcal{U}_t$ — состояние Вселенной в момент времени t , описанное набором формул Φ_t первого порядка над сигнатурой Σ , включающей предикаты для положения, скорости, масс, зарядов и т.д.

Демон Лапласа — это такой оракул $\mathcal{L}$, что для любого $t > t_0$:

$$\mathcal{L}(\Phi_{t_0}) = \Phi_t,$$

где Φ_t — единственное состояние, согласованное с законами природы $\mathcal{N}$ и начальными условиями Φ_{t_0} .

Определение 2 (Детерминизм). Мир называется лапласовским, если для любых двух непротиворечивых продолжений $\Phi_t^{(1)}$ и $\Phi_t^{(2)}$, удовлетворяющих $\mathcal{N}$ и Φ_{t_0} , выполнено:

$$\Phi_t^{(1)} = \Phi_t^{(2)}.$$

Свойства Демона Лапласа, существенные для нашего опровержения:

1. **Полнота предсказания.** Демон не делает ошибок — его предсказания сбываются с вероятностью 1 (в классическом смысле).
2. **Однозначность интерпретации.** Демон предполагает, что начальные условия Φ_{t_0} имеют единственную интерпретацию, т.е. остенсивный параметр l для них уже фиксирован.
3. **Независимость от синтаксиса.** Демон оперирует не с синтаксическими формулами, а с «реальным» состоянием мира, которое формулы только описывают. Однако для того, чтобы использовать формулы, необходимо отождествить символы с объектами — совершить акт указания.
4. **Трансцендентальность.** Способность Демона различать разные состояния мира предполагает наличие у него «первого лица» — точки зрения, с которой осуществляется указание. Иначе он не мог бы отличить истинное состояние от его формальной копии с другим l .

Создается иллюзия, что такой демон осуществим отчасти на основе законов, отчасти по фантастическому предположению, на которое ученый имеет некоторое право. Однако определение Демона противоречиво. С одной стороны, это формальная система. С другой, он пользуется не потрясающим, но реальным опытом ученых XVIII века и эмпирически обеспечен ровно настолько, чтобы быть осмысленным, не будучи всезнающим. Если Демон остается наедине с собой, он становится обычной формальной системой, не способной определить себя и тем более не обладающей тотальной прозорливостью в рамках законов. Демон Лапласа - это гомункул из эмпирического опыта современников его создателя и формальных свойств, которые ему приписаны. Без указанного эмпирического опыта он просто не знает, к чему приложены законы $\mathcal{N}$.

Есть еще два способа интерпретации:

1. Когда Демон сам изучает мир, но это противоречит определению и такой «всезнающий демон с рулеткой» становится похожим на карикатуру.
2. Можно приписать Демону знание обо всех частицах Вселенной не только в момент t_0 . В этом случае Демон теряет последнюю связь с наукой и становится каким-то персонажем сериала о «сверхспособностях», которые появляются неизвестно как.

Таким образом, Демон Лапласа не только не способен определить детерминизм, он ощутимо слабее наивного опытного эмпиризма, в чьей компетенции нуждается.

В нашем мире ничего не предопределено, кроме фактического и такого как $a * 2 = 4$ или $A \vee B \rightarrow A$, что отрицать не получится, если даже кто-то этого бы очень захотел. Но фактическое и трансцендентальное описывает лишь «небольшой островок» Вселенной, остальное - предположение. Для такого вывода не нужны «возможные миры». Это избыточная и не до конца интерпретированная структура, возникшая по причине ложного убеждения во всеисилии «научного детерминизма».

Скажут «Возможность из-за фундаментальной эмпирической неопределенности - эпистемологическая, мы просто не знаем, что есть и что будет». Однако, во-первых для *логической возможности* достаточно возможности из-за незнания. В «возможных мирах» она такая же, если мы знаем о каждом мире, какой он, возможность вырождается в частную необходимость. Во-вторых, никто не знает, что эта возможность чисто эпистемологическая. В параграфе о фатализме у нас есть реальный пример, как предопределенность зависит от ракурса. Поручится ли кто, что нет других таких же примеров?

4.3 Реальный выбор

Рассмотрим мысленный эксперимент «Китайская комната» Джона Серла [Searle, 1980]. Напоминаем, по условиям эксперимента в комнате сидит человек, несколько не владеющий китайским языком, который по инструкциям отвечает на вопросы на этом языке так, что его носители не могут различить обман, то есть проходит тест Тьюринга. «Китайскую комнату» много критиковали, прежде всего за реализуемость. Однако концептуальное ядро эксперимента осталось незыблемым. Об этом можно прочесть в работе Торгашиной М.А. «Аргумент исключения в мысленном эксперименте Джона Серла «Китайская комната» [Торгашина, 2011].

Нетрудно понять, что «Китайская комната» является частным случаем нашей теоремы 4.2. Для простоты будем называть трафик комнаты «теорией» E_i . По сути, это текст с повествовательными предложениями, выражениями эмоций и отношения мнимого китайца к содержанию тех запросов, с которыми к нему обращаются. Эксперимент устроен так, что «теория» E_i абсолютно формальна. «Китаец» не имеет права, да и не может показать интонацию, мимику или обозначится жестом. Это идеальные условия для теоремы 4.2, поэтому E_i не поддается однозначной интерпретации. В ней нельзя определить остенсивный параметр, а внешняя остенсия определена случайным контекстом интерпретации. Таким образом, делать вывод о том, что «Китайская комната» по-настоящему обладает знанием китайского языка на основании возможности такой интерпретации E_i - не более убедительно, чем делать вывод о том, что кукла, похожая на человека, - живая, только потому что она похожая.

Серл победил в споре с Деннетом [Деннет, 2017], длившемся более четырех десятилетий. Позиция Деннета не вызывает сочувствия, это защита бутафорской крепости. Вопрос правоты в этом споре - больше не дискуссионный.

Как это относится к нашей теме? Нейрофизиология «свободного выбора» в качестве теории E_i теоремы 4.2 не имеет никакого отношения к феноменологии этого выбора, то есть его актуальному переживанию, при условии, что этот выбор «иллюзорен». Согласно теореме 4.2, теория о том, что «это иллюзия» формально не осуществима, а невозможность эмпирической остенсии не просто заложена в условия, а «провозглашена с кровель». Собственно, это и есть статус «иллюзорности», когда что бы то ни было объявляют «картинкой», которая не имеет отношения к «серьезному», записанному знаками. «Теоретики иллюзии» сами не знают, о чем говорят. В таком виде их теория становится бессмыслицей, которую можно преодолеть только теоретической привязкой физиологии к ее феноменологическому проявлению, то есть признанием неиллюзорности.

Важное примечание: физиология имеет *свою* остенсию, но она не имеет

никакого отношения к «иллюзорному», и по отношению к нему выполняет роль строителя «синтаксического тела», поэтому в качестве теории об эпифеноменах физиология оказывается неинтерпретированной. Более того, если эпифеномен вообще оторван от «своей» физиологии, его определение оказывается стихийным и в плохом смысле оригинальным, не содержащимся даже в физиологии носителя.

Пришло время формализовать одну лемму, которую читатель уже хорошо знает, и формализм падает, как спелое яблоко в руки. Сразу оговоримся, что желания и намерения принимаются как неопределимые понятия, но это не страшно, потому что не соответствующее нашим желаниям и намерениям это, например, лишение имущества или прилюдная порка. Можно представить философа, который делает вид, что «это ему непонятно», но весьма трудно представить, что он действительно любит, когда его лишают имущества и подвергают такому наказанию, даже если он умеет делать на воздухе жесты кавычек.

Определение 4.3. *Назовем действия агента свободными и аутентичными его желаниям и намерениям, если:*

1. *его желания и намерения совпадают с его действиями;*
2. *существует механизм осуществления таких действий;*
3. *желания, намерения агента и механизм его действий являются свойствами одного и того же «носителя»;*
4. *отсутствует онтологическое основание, которое бы делало указанный механизм, не соответствующим этим желаниям и намерениям.*

Определение 4.4. *Назовем эпифеноменом любое фиксируемое явление, которое не имеет влияния на другие феномены.*

Лемма 4.1. *Определение желаний и намерений агента в качестве психологического эпифеномена его действий определяет его действия как свободные и аутентичные его желаниям и намерениям.*

Доказательство. Пройдемся по пунктам определения 4.3:

1. выполняется, мы берем ситуацию совпадения желаний и намерений с действиями, другие ситуации тоже бывают, но они не относятся к теме;
2. выполняется, механизм осуществления инвариантен относительно статуса эпифеномена;

3. выполняется, потому что эпифеномен супервентен на физиологии;
4. выполняется (и выполняется с наивным пафосом «теоретиков эпифеноменализма!»), эпифеномен не способен ничего «делать», все его желания определены механизмом и они единственные свойства механизма на эту тему, то есть желания и намерения человека имеют такой механизм, описание которого в остальном техническое и нейтральное по отношению к ним, нет структуры, которая бы их противопоставляла, именно потому что «эпифеномен» - «бессилен».

Таким образом, агент с эпифеноменальными мотивами оказывается свободным агентом, согласно определению 4.3. □

Определение 4.5. *Назовем агента*

- а) полностью предопределенным, если каждое его намерение, желание и действие определено его актуальной физиологией;*
- б) полностью непредопределенным, если каждое его намерение, желание и действие соответствует его физиологии.*

Теорема 4.3. *Полностью предопределенный агент является полностью непредопределенным агентом.*

Доказательство. Полное предопределение означает тотальное соответствие намерений, желаний и действий агента его физиологии, что автоматически определяет его в качестве полностью непредопределенного, иначе нарушаются свойства эпифеномена (лемма 4.1). □

Пафос полного предопределения тем, из чего мы состоим, - бессмыслен. Следствием теоремы 4.3 является то, что человек идеально воплощенный какими-то «древними» факторами не может не делать свободного выбора, как раз потому что он ими идеально воплощен. И это реальный выбор в таком же смысле, как дерево в лесу, если оно падает, то падает *лично*.

«Скептицизм» сапольского или стросоновского типа относительно «свободы воли» напоминает очень недалекого героя-абыюзера Леонсио из бразильского сериала «Рабыня Изаура», который, чтобы быть могущественным, без ограничения брал деньги в долг, и очень удивился, когда в последней серии выяснилось, что всё его могущество - *не его*. Точно также «скептики» нагнетают «внешнюю детерминацию» до технического максимума, пока она не превратится в полную противоположность. Перед нами не просто теория-банкрот, а банкрот собственными усилиями.

И, наконец, оформим последнюю теорему. Для этого нам понадобится лемма Линденбаума, которая утверждает, что любое непротиворечивое множество формул можно расширить до полного непротиворечивого множества. Точнее, нам понадобится всего лишь индукционный шаг этой леммы, то есть присоединение всего одного предложения, которое не противоречит теории (существующему множеству формул).

Лемма была доказана Адольфом Линденбаумом (1904-1941). Судьба этого блестящего учёного, которого коллеги называли «самым светлым умом в области оснований математики», трагична. Являясь убеждённым социалистом и противником нацизма, Линденбаум после вторжения Германии в Польшу отказался от возможности эмигрировать на Запад и остался на родине. Он был арестован гестапо в Белостоке в сентябре 1941 года и расстрелян в Понарах (Панярай) близ Вильнюса — месте массовых казней еврейского населения. Его жизнь и смерть — горькое напоминание о том, что развитие формальных систем происходит в реальном мире, полном жестокости и трагедий, а судьба самого творца леммы о полноте оказалась оборвана в возрасте 37 лет самым неполным и бессмысленным образом.

Лемма Линденбаума - интуитивно понятна, возьмем ее без доказательства и оформления. Читатели могут познакомиться с ней в книге Мендельсона «Введение в математическую логику» [Мендельсон, 1976, С.74].

Физиология выбора как описание - непротиворечива. Описание феноменологии выбора, то есть актуального переживания нами того, как мы выбираем, - тоже, поскольку является наблюдаемыми событиями. По лемме Линденбаума мы можем объединить их в одну непротиворечивую теорию. Это возможно, поскольку феноменология выбора M определена как не имеющая отношения к физиологии того же выбора P^M . Это и есть суть эпифеноменализма, иначе возникнет функциональное тождество. Теперь самое интересное: из-за того, что феноменология M не имеет отношения к физиологии P^M , мы можем ввести M как *реальный выбор агента в физическом неэпифеноменальном смысле*. И никто не предъявит за то, что он чему-то противоречит, потому что M определена таким образом *не нами*. А если все-таки предъявит, произойдет возврат к ситуации, когда M воплощается своей физиологией P^M , и выбор реален по теореме 4.3.

Отчего так произошло? Оттого, что авторы таких теорий не понимают о чем говорят, и даже не представляют, к чему приводит буквальное следование их построениям. Лемма Линденбаума - незаменима, когда нужно привести оппонента к адекватному способу реагирования в тех случаях, когда он описывает одну важную сторону события, как не имеющую отношения к другой важной стороне события, и на этом спекулирует. Тогда с одной из них вы имеете право поступать как вам угодно, *потому что он называет их не*

имеющими друг к другу отношение.

Незаметно мы доказали еще одну теорему.

Теорема 4.4. *Выбор агента, раскрываемый в его феноменологии, - реален, если это не противоречит фактическому описанию.*

Оговорка о фактическом описании - существенна и тривиальна. Существуют ситуации, когда мы делаем выбор, который не совсем наш по содержанию ситуации. Например, мы не хотим ехать на дачу, но нас принуждают не просто поехать, а *выбрать* электричку по времени.

Эта теорема имеет разительную независимую эмпирическую поддержку. Мы ее уже знаем. Если бы выбор осуществлялся где-то в «слепой зоне», «на уровне молекул или клеток», нам было бы решительно все равно участвовать в нем или не участвовать. Уже неоднократно был приведен пример бегунов через барьеры с завязанными глазами. Однако ситуация еще глубже: если наш выбор не при чем, бегунам вообще не надо бежать, можно посидеть на скамейке и даже не ехать на стадион. Это уровень деструкции смысла, который возникает из скептицизма Стросона.

При выполнении действия всегда где-то происходит решение и необходимо выделять его операциональный ракурс. В ситуации выбора он в актуальной феноменологии переживания. Говорить о таких вещах вне терминологии операционального ракурса - скоро будет архаикой. Ким описывает заведомо не операциональный ракурс и функциональное положение вещей просто игнорирует, онтологизируя недостатки своей методологии.

Проницательный читатель уже понял, что выбор осуществляется в дизайне психологии. Он одновременно детерминированный и свободный, как в «мечтах либертарианцев», но без парадокса «дырявой» удачи. Что влияет на наш выбор в нашем собственном восприятии и есть его реальные детерминирующие факторы, в том числе наши усилия и сообразительность.

Мы не можем выбрать, какие мы, но можем определиться, что в с этим делать в рамках функциональной одновременности жизненного опыта, которая имеет механизм альтернативного решения. В христианской (не обязательно религиозной) традиции это объясняет потребность *испытания*, то есть «шагов итерации» в построении себя. Здесь уместна хайдеггеровская терминология заброшенности в мир. Однако вместе с нею мы получаем и «когти», чтобы выскрестись из положения, в которое попали. И самое главное, мы не объекты, а скорее, охотники.

Формула «Свобода есть познанная необходимость» - не оксюморон. В очищенном от поэтических метонимий виде она звучит «Знание необходимостей дает знание возможностей и расширяет свободу». «Кто владеет информацией, владеет миром» - одна из версий этой истины.

Остается последний вопрос. Г.Д.Левин в книге «Трактат о свободе» дал следующую оценку: «Итак, попытка втиснуться между утверждениями «Воля свободна» и «Воля детерминирована» с помощью утверждения «Воля самодетерминирована» была возможна лишь до возникновения теории типов Рассела и семантической теории Тарского. Сегодня это архаизм. Я исключаю ее на этом основании из рассмотрения» [Левин, 2009, С.22].

Левин не учитывает, что человек - это не формальная система, а нечто такое, что постоянно обновляет остенсию, хотя бы потому, что ни одной формальной системы без элементов семантики не существует в природе. Даже идеальная по Гильберту, она содержит интерпретацию символов в качестве символов. Тем более все эти парадоксы определены на бесконечности. А те, которые обходятся без нее, - бессмысленны. Например, парадокс «Лжец» в парадоксальном виде «Выраженное в этом предложении - ложь» не имеет содержания. Подробнее об этом в работе «Конечное о бесконечном» [Torgashin, 2025].

4.4 Аргумент манипуляции

Представим человека, которому «<вживили» в голову устройство, позволяющее влиять на его действия настолько операционально и непреодолимо, что этот выбор принадлежит манипулятору [Fisher, pp.154-159]. Почему этот контраргумент необходимо рассмотреть? Потому что он, казалось бы, полностью соответствует условиям теорем этой главы, а агент все равно оказывается несвободен: его ментальный выбор совпадает с его физиологией, отсутствует внешняя причина, которая определяет его поведение, последнее в рамках такой критики тоже придется обозначить, хотя здесь уже слышится опровержение.

Что искажает и не учитывает этот аргумент? Он описывает манипуляцию как достаточное условие, но это невозможно, потому что «вживленный генератор импульсов» не может создать мозг и опыт, а если может, то речь должна идти не о манипуляции личностью, а об её полной замене. Таким образом, манипуляция, которая вообще выполнима, чтобы аргумент не сломался, ограничена диапазоном в рамках определенного аспекта. Например, наш Джон или Джонс - футбольный болельщик, выбор оператора может отправить его на матч именно сегодня, но если Джон вообще не любит футбола, требуется другое более глубокое воздействие. И так по каждому поводу. Если автор аргумента устанет перечислять, возникнет контрпример свободного выбора. А если не устанет, Джонс уже не будет Джонсом, который не сможет использовать свои убеждения, вкусы и опыт, и ситуация перестанет соответствовать условиям теоремы 4.3. В таком виде уже-не-Джонс окажется свободным, со-

гласно той же теореме.

Однако в усеченном аспектном виде манипуляция становится внешним воздействием наподобие гипноза, обмана, непреодолимого заблуждения из-за отсутствия информации, или тайного использования веществ путем их подмешивания в напиток, влияющих на характер поступков. В конце концов, оно *структурно* ничем не отличается от обычного удара по голове лопатой, чтобы человек стал «сам не свой». Но всё это отменяет свободу выбора только на эмпирическом уровне.

В случае замены личности, когда детерминируется буквально каждый аспект поведения, ей не дают развиваться, наработать собственный опыт, её природа становится в таком виде полностью гипотетической, а, значит, нуждающейся в обосновании и непригодной, чтобы что-то опровергать. В том и другом случае, условия теоремы нарушены, и аргумент не работает. Вдобавок, эта новая личность оказывается свободной *в виде этой новой личности*.

Итоги

С чего мы начали? Свобода не имеет даже моделируемого смысла, детерминизм «строго научен», потому что «ничего не происходит без причины». И чем завершаем? Детерминизм, который имеет в планах отменить свободу, еще раньше отменяет себя. Схема причинности похожа на «теорию Земли» со слонами и черепахой, она убедительна пока не задают уточняющие вопросы. В наиболее «строгом» виде детерминизм превращается в аллоцентрическую теорию, где ничего не определено, и происходит бесконечный регресс в прошлое.

Человек в качестве нового и автономного кажется странным, но он не одинок. Все новое произошло точно так же, вопреки предрассудкам, которые из-за некритического восприятия получили статус научных представлений. Появление нового нельзя описать в сигнатуре законов сохранения, потому что взаимодействия и прочие связи в материальном мире детерминированы свойствами объектов, которые могут «исчезать» и «появляться», что не соответствует закономерностям, описываемым законами сохранения. Попытка замкнуть теорию причинности исключительно ими представляет собой грубую методологическую и содержательную ошибку, и свидетельствует о полном непонимании проблемы.

Если бы даже такой детерминизм имел нейтральное отношение к проблеме свободы, его бессмысленность всё равно бы нуждалась в разоблачениях как псевдонаучная теория.

Никакой «своей причины» для события не существует. Её невозможно выделить в виде необходимого и достаточного условия, поэтому «детерминирующий изоморфизм», когда для каждого события «отдельная» («своя») причина не дает ему «быть спонтанным» представляет собой бессмыслицу. Изложенная строго научным языком теория Джегвона Кима служит прозрачной иллюстрацией этого положения вещей. Это еще не доказывает свободу, но опровергает тезис о том, что статус детерминированного причинами несовместим с представлениями о свободе. На чисто формальном уровне в каузальных связях невозможно выделить фактор, который бы господствовал над объектом и не давал объекту иметь собственное влияние, которое весьма похоже на сво-

боду.

Для свободы, как и для любого гилеморфного свойства, не требуется иметь определяющий его «отдельный» элемент. Эти представления, неоднократно озвученные Сапольски в виде вульгарного вопроса о том, куда «следует впихнуть свободу», чтобы она «была», легко фальсифицируемы. Достаточно указать, что «отдельного элемента» нет не только для свободы, но и для агрессивности, шизофрении, артериального давления, печени и даже префронтальной коры. Но это не значит, что агрессивности, шизофрении, артериального давления, печени и префронтальной коры нет. Демонстрация «самой печени» в качестве отдельного элемента не убедительно в контексте, потому что свобода может быть результатом работы нескольких систем - ровно, как и печень.

Здесь проявляется некоторая неповоротливость мышления. Феномены, похожие на свободу, есть и в принципиально других областях, не связанных не то что со свободой, а даже с биологией. Если мы зададимся вопросом, куда поместить способность телевизора транслировать изображение, мы не найдем место среди полупроводников. И на вопрос, что делает «префронтальную кору префронтальной корой», тоже нет ответа.

Наши представления о детерминизме, как минимум, не противоречат таковым Джона Эрмана и почти детально соответствуют теории Марио Бунге, а также учению о саморазвитии диалектического материализма. Весьма симптоматично, что ученые, которые отрицают «свободу воли» придерживаются противоречивого и бессмысленного представления о детерминизме. Вероятно, это и есть «своя» причина их образа мыслей.

Реальный детерминизм может быть только *параобусловленным*, то есть он неминуемо допускает что-то такое, что не из чего не следует. Например, сам мир. «Экономия» каузальностей всегда локальна и относится к очерченной области, иначе это окажется замкнутой формальной системой и будет противоречить теореме Альфреда Тарского. Одновременно это «смерть Демона Лапласа» не только в квантовом, но и в классическом мире.

Детерминизм в предлагаемом понимании — это не монархия (пусть и конституционная), а инфраструктура. Как дороги, электросети, протоколы интернета создают условия для действий, но не предписывают их, так и детерминизм создаёт связную причинную структуру, внутри которой возможна «робустная» свобода.

Слово «детерминированное» обладает фундаментальной двусмысленностью. Не всё детерминированное детерминировано законами, иногда мы его находим *по факту появления* и все равно считаем детерминированным, иначе бы любая наука была аксиоматической.

Фатализм, то есть нелогическая тавтология «Всё, что произойдёт, - произойдёт» ничем не противоречит свободе, как универсальный и нейтраль-

ный элемент описания, который одинаково относится как к свободному, так и несвободному. Стремление с его помощью определить свободу напоминает попытку описать конкретную траекторию тела исключительно одним законом всемирного тяготения.

И, наконец, представления о предопределенности нашего выбора чем-то «древним» и «внешним» - сильно преувеличена. Способности человека действуют как свернутое представление о большом массиве данных. Проектировщик может придумать мост через реку, которую никогда не видел. Иногда мы можем мысленно побывать в двух альтернативных ситуациях и понять их лучше того, кто там был. Не во всех случаях, но это реальный механизм, к нему ничего не прибавит квантовая суперпозиция. Мы получаем опыт альтернативных решений без дедлайна и темпоральных коллизий типа «Нельзя сделать одновременно противоположное». Точнее, организация нашего опыта наоборот позволяет это делать.

На формальном уровне нами доказано, что «полное воплощение свободного агента чем-то иным» делает его полностью свободным. Перцептивный и ментальный эпифеномен в таком виде становится системой мониторинга, желания которой идеально коррелируют с возможностями механизма, который не имеет никаких свойств, которые бы ей противоречили. Ситуация неотличима от «свободы воли», а если отличима, это может проявиться только в виде актуального эмпирического ограничения. Если его нет, начинается «ожидание Годо», а если есть, это обычное частное эмпирическое неудобство, которое отменяет свободу не более, чем опоздание поезда. Таким образом, говорить об «иллюзорности свободы» уже невозможно, это приводит к бессмыслице на уровне «круглого квадрата». Таким образом, наблюдаемая эмпирическая свобода оказывается той самой «робустной» свободой «либертарианцев», но без коллизии «дырявой удачи». Во Введении упоминались люди, которые не понимают «почему мы не свободны, когда свободны». Так вот, они правы. Сомнение в свободе было теоретической петлей, которая вернулась в то же место: наша эмпирическая свобода - это настоящая «свобода воли», другой нет.

И существует эмпирический контрпример для предположения, что «это нам только кажется». Если бы наши решения происходили в «слепой зоне», нам было бы решительно все равно ходить с завязанными глазами или нет.

Теперь вспомним, с чего мы начали. А именно традиционно считалось, что «свобода воли» не имеет смысла. Её нужно мучительно «приживлять» к детерминизму и ходить к нему на поклон.

«Но если свобода воли несовместима с детерминизмом, мы сталкиваемся с тайной, ибо свобода воли, несомненно, существует, но она также, похоже, несовместима и с индетерминизмом. А именно: мы сталкиваемся с тайной,

если свобода воли несовместима с индетерминизмом. Возможно, это не так. Аргументы в пользу несовместимости свободы воли и индетерминизма правдоподобны и наводят на размышления, но не являются безупречными.» [Van Inwagen, 2000, pp.1-2]

Ситуация полностью перевернулась. Теперь противники свободы должны моделировать смысл и «приживлять» к вновь открывшемуся положению вещей. Тот, кто понял содержание этой книги, уже не сможет воспроизводить смысловые штампы о «причине, которая определяет события». Он даже не поймет, как мог загнать себя в такую неудобную иллюзию. В таких случаях говорят о змее, которая не может заползти в сброшенную шкуру.

Литература

- [1] Аристотель. О душе. — М. : РИПОЛ классик, 2020. — 260 с.
- [2] Армстронг Д. Льюис и теория тождества / пер. В. В. Васильева // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2005. — № 5. — С. 79-84.
- [3] Бунге, М. Причинность : Место принципа причинности в современной науке. — М. : Изд-во иностр. лит., 1962. — 512 с.
- [4] Волков Д. Б. Свобода воли. Иллюзия или возможность. — М. : Центр исследования сознания при философском факультете МГУ : Карьера Пресс, 2018. — 367 с.
- [5] Гумницкий, Г. Н. Материализм или идеализм? : Филос. очерки. — Иваново : Иван. отд-ние РФО : Иван. архитектур.-строит. акад., 2000. — 86 с.
- [6] Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. Т. I : Объективная логика. — Primedia E-launch LLC, 2017. — 540 с.
- [7] Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3(1) : Логические исследования. Т. II(1). — М. : Гнозис : Дом интеллектуальной книги, 2001. — 474 с.
- [8] Деннет Д. К. Сладкие грезы : чем философия мешает науке о сознании. — М. : URSS : ЛЕНАНД, 2017. — 292 с.
- [9] Ильенков Э. В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика — теория познания. Историко-философские очерки / отв. ред. Э. В. Ильенков. — М. : Наука, 1964. — С. 21-54.
- [10] Карпенко, А. С. Фатализм и случайность будущего : логический анализ. — М. : Издательство ЛКИ, 2008. — 212 с.
- [11] Лаплас П.-С. Опыт философии теории вероятностей. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

- [12] Левин Г. Д. Трактат о свободе. — М. : Канон+, 2009. — 191 с.
- [13] Лысенко, Е. М., Торгашин, А. Ю. Язык и реальность. — СПб. : Реноме, 2025. — 396 с.
- [14] Мендельсон Э. Введение в математическую логику. — М. : Наука, 1976. — 320 с.
- [15] Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб. : Ювента : Наука, 1999. — 605 с.
- [16] Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. — М. : Логос, 2000. — 411 с.
- [17] Прист, С. Теории сознания. — М. : Дом интеллектуальной книги : Идея-Пресс, 2000. — 287 с.
- [18] Райл Г. Понятие сознания. — М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 408 с.
- [19] Рассел Б. Почему я не христианин : избранные атеистические произведения. — М. : Политиздат, 1987. — 333 с.
- [20] Сачков Ю. В. Эволюция учения о причинности // Спонтанность и детерминизм. — М. : Наука, 2006. — С. 16-42.
- [21] Сапольски Р. М. Всё решено : жизнь без свободы воли. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 533 с.
- [22] Секацкая, М. А. Аргумент последствий и проблема удаи в дебатах о свободе воли // Вопросы философии. — 2017. — № 3. — С. 198-205.
- [23] Торгашин А. Ю. О невозможности онтологической несвободы // Философия и культура. — 2012. — № 6. — С. 82-87.
- [24] Торгашин А. Ю. Философия агностицизма и проблема научной познаваемости мира. — СПб., 2013. — 184 с.
- [25] Хайдеггер М. Бытие и время. — М. : Ad Marginem, 1997. — 451 с.
- [26] Харрис С. Свобода воли, которой не существует. — М. : Альпина Паблишер, 2015. — 97 с.
- [27] Шафоростов А. И. История фундаментальных идей: детерминизм // Известия Лаборатории древних технологий. — 2023. — Т. 19, № 2. — С. 91-102. — DOI: 10.21285/2415-8739-2023-2-91-102.

- [28] Alward, P. Are Functional Properties Causally Potent? // SORITES. — 2006. — No. 17. — P. 49-55.
- [29] Earman, J. A Primer on Determinism. — Dordrecht ; Boston : D. Reidel Pub. Co., 1986. — xiv, 273 p.
- [30] Fischer, J. M., Ravizza, M. Responsibility and Control : A Theory of Moral Responsibility. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
- [31] Kim, J. The Myth of Nonreductive Materialism // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. — 1989. — Vol. 63, No. 3. — P. 31-47.
- [32] Kim, J. Making Sense of Emergence // Emergence : Contemporary Readings in Philosophy and Science / ed. by M. A. Bedau, P. Humphreys. — MIT Press, 2008. — P. 127-150.
- [33] Lewis, D. K. An Argument for the Identity Theory // The Journal of Philosophy. — 1966. — Vol. 63, No. 1. — P. 17-25.
- [34] Manning, G. The History of Hylomorphism // Journal of the History of Ideas. — 2013. — Vol. 74, No. 2. — P. 173-187.
- [35] McEwen B. S. Physiology and neurobiology of stress and adaptation: central role of the brain // Physiological Reviews. — 2007. — Vol. 87, No. 3. — P. 873-904. — DOI: 10.1152/physrev.00041.2006.
- [36] Searle, J. R. Minds, Brains, and Programs [Электронный ресурс] : penultimate draft. — Режим доступа: <https://courses.washington.edu/info300/searle.pdf> (дата обращения: 26.05.2026).
- [37] Søgaaard, A. Identity Theory and Falsifiability // Acta Analytica. — 2024. — Vol. 39. — P. 737-748. — DOI: 10.1007/s12136-024-00587-2.
- [38] Strawson, G. Freedom and Belief. — Rev. ed. — Oxford : Oxford University Press, 2010.
- [39] Torgashin, A. A constructive proof of Tarski's undefinability theorem and Gödel's incompleteness theorems [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zenodo.org/records/20275008> (дата обращения: 25.05.2026).
- [40] Torgashin, A. Finite about Infinite [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zenodo.org/records/18100849> (дата обращения: 25.05.2026).

- [41] Van Inwagen, P. Free Will Remains a Mystery // Philosophical Perspectives.
Vol. 14: Action and Freedom / ed. by J. E. Tomberlin. — Blackwell, 2000. —
P. 1-20.